

Елена  
Михалкова



Мезные листья,  
добитые  
корни

**Елена Ивановна Михалкова**  
**Нежные листья,  
ядовитые корни**  
Серия «Расследования Макара  
Илюшина и Сергея Бабкина», книга 17

*Текст предоставлен правообладателем  
[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=11279682](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11279682)  
Нежные листья, ядовитые корни: АСТ; Москва; 2015  
ISBN 978-5-17-091929-1*

**Аннотация**

Ах, милое детство, школьные годы! Безмятежность, первая любовь, подруги, ставшие лучшими на всю жизнь. Как бы не так! Если в вашем классе была признанная королева, ее «подданным» жилось несладко. Идут годы, вы меняетесь – но память о школьной травле сидит тонкой занозой. Особенно если обидчица и сейчас хороша собой, успешна и счастлива. И желание отомстить, растоптать ее жизнь, как когда-то она топтала вашу, поднимает змеиную голову.

Первая красавица Света Рогозина собирает бывших одноклассниц на встречу через восемнадцать лет после окончания школы. Зачем? Извиниться? Похвастаться богатством? Или еще раз поиздеваться?

Что ж, ее бывшие жертвы выросли – и готовы дать отпор. Частные детективы Макар Илюшин и Сергей Бабкин помогут распутать клубок убийства, нитка от которого тянется на много лет назад, в последний школьный год 11 «А» класса.

# Содержание

Глава 1	9
Глава 2	32
Глава 4	87
Глава 5	114
Конец ознакомительного фрагмента.	127

# Елена Михалкова

## Нежные листья, ядовитые корни

© Михалкова Е., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

\* \* \*

*В цену хорошего трюка обязательно входит  
жертва.*

*К. Прист. Престиж*

Не могу поверить! Она все-таки меня убила.

Я никогда не считала ее бесхарактерной. Видит бог, она способна на сильные поступки. Но – убийство?!

Глупо. Ужасно глупо! Расследование, шумиха, полиция... Любопытно, как она будет выкручиваться?

Запаникует? Начнет визжать? Поранит себя, надеясь симитировать драку?

Однако женщина, прикончившая меня минуту назад, выглядит на удивление спокойной. Первое, что она делает – тщательно вытирает нож уголком покрывала. Владельцы отеля будут недовольны! Кровать и так забрызгана кровью – моей кровью! – и ковер тоже весь в импрессионистических

пятнах. Я пыталась вскочить, когда она вошла, но не успела. Мне хватило двух ударов, однако эксперты обнаружат, что их было значительно больше.

Что ж, я ее понимаю. В ней столько ненависти, что даже сейчас, после смерти, я испытываю страх, когда смотрю на ее лицо. На невероятно изменившееся за эти годы лицо...

Но как же странно выглядит мое мертвое тело! Светлые волосы, разбросанные по подушке. Мучительная гримаса. Застывший взгляд и странно напряженный рот, словно я пытаюсь что-то выкрикнуть напоследок – и не могу.

Ах, как нелепо все оборвалось! Ведь совсем немного оставалось до полного триумфа!

Когда-то мне дали совет: «Не стоит недооценивать своих врагов». Сейчас я бы сказала иначе: «Не стоит недооценивать своих жертв».

Женщина, безжалостно расправившаяся со мной, кладет нож рядом с телом. Не знаю, зачем она вытирала его, если руки ее в тонких резиновых перчатках. Оглядывает комнату. У нее глаза как кончики сосулек, ледяные и острые. Я смотрю в них и снова думаю, что совершила ошибку. Не в том, что попыталась растоптать ее судьбу – это она заслужила! Даже сейчас, почти двадцать лет спустя, я готова снова и снова твердить: она это заслужила.

Но я не обезопасила себя. Сглупила! Черт возьми, я, осторожная, умная, хитрая, предусмотрительная я – и вдруг проворонила убийцу!

Женщина медленно стаскивает перчатки. Комкает и сует в карман. У нее отрешенное и даже немного блаженное выражение лица, как у голодного, наевшегося досыта. Взгляд теплеет: она смотрит на мое изуродованное тело. И вдруг, дернув углом рта, со всей силы бьет его кулаком в живот. И снова! И снова!

– Хватит! – кричу я. – Прекрати!

Она не слышит. Хлесткий удар ладонью – и моя голова дергается вбок. Еще один – перекачивается по подушке обратно.

Потом женщина замирает, и целую секунду мне кажется, что она вот-вот плюнет на мой труп. Но здравый смысл удерживает ее от опрометчивого поступка.

Если бы я могла скрипеть зубами, то заскрипела бы. Потому что она уходит – уходит, не оставив после себя ни одной улики, сначала убив меня, а потом надругавшись над телом. Почему-то в бешенство меня приводит именно второе. Как она посмела? У нее были причины для того, чтобы уничтожить меня, – да, не отрицаю! Но бить труп?

Господи, да она вlepила мне пощечину! При жизни у нее на это не хватало отваги. Вот же трусливая мстительная дрянь!

Клокочущая во мне ярость – словно груз, не дающий подняться к небесам. Я останусь и посмотрю, что будет дальше.

Есть у меня одна надежда... Она слабо теплится в душе, оставшейся без тела. И, кажется, помимо ярости, это един-

ственное, что удерживает меня здесь.

Может быть, одной из наших удастся закончить то, что я начала? Я так близко подвела их к разгадке, я разбросала столько намеков – должна же найтись умница, которая догадается, в чем дело!

Главное, чтобы ее не убили, как меня.



# Глава 1

*За месяц до описываемых событий*

## 1

Маша повертела в руках конверт. Настоящее письмо, надо же. Тысячу лет не получала бумажных писем, не считая новогодних открыток от родителей – обычно они доходят как раз к концу зимы.

Открывать его почему-то не хотелось.

– Ты не будешь читать? – удивился Сергей.

Маша вскинула на мужа задумчивый взгляд.

– Что там, компромат? – пошутил он.

Она принужденно улыбнулась. От Светки Рогозиной, пожалуй, можно было ожидать и компромата...

– Я очень давно ничего не слышала об отправителе, – уклончиво сказала она. – Собственно, ни о ком из наших.

– Однокурсники?

– Одноклассники.

Маша положила нераспечатанный конверт на подоконник и уставилась в окно. Пейзаж за стеклом как будто рисовал неумелый художник, осваивавший графику. Четкие штрихи кустов у него еще более-менее получились, как и жир-

ные палки молоденьких осин. Но попытавшись изобразить сугробы, художник напачкал, рассердился, схватился за ластик – и окончательно испортил произведение, размазав грязь по всему листу.

Черный слежавшийся снег прочно оккупировал двор. Вместо того чтобы таять, он только злобно темнел и становился еще плотнее, словно утверждая свое право лежать здесь до скончания времен.

Маша прикрыла форточку и отвернулась. Бр-р, какое противное начало марта. А тут еще это письмо!

– Кофе будешь? – спросил Сергей, доставая турку.

– Нет, не хочу.

– Письмо читать тоже не будешь?

– Буду.

Маша нехотя взяла конверт, внимательно рассмотрела и надорвала.

Муж возился у плиты, делая вид, что ему совершенно не интересно. Она дважды перечитала короткий текст, написанный прекрасным почерком. Сам факт, что за Рогозину кто-то написал это письмо от руки, поразил ее едва ли не больше содержания. Светка так вывести не смогла бы никогда, даже если сто китайских профессоров обучали ее каллиграфии все эти годы.

Бабкин наконец не выдержал.

– Получила наследство? Ну, скажи, что я женился на богатой женщине!

Маша рассеянно улыбнулась. Наследство? В какой-то степени так оно и есть. Она унаследовала со школьных времен и протащила через всю свою жизнь те чувства, которые предпочла бы оставить в прошлом.

– Это приглашение. От Светы Рогозиной, моей бывшей одноклассницы. Она последние годы жила то ли во Франции, то ли в Италии – не помню. А теперь возвращается в Россию. Зовет бывших одноклассниц отметить встречу.

Она развернула письмо и медленно прочла:

– «Буду очень рада видеть тебя в подмосковном отеле «Тихая заводь», где я забронировала для всех номера на три дня, с первого по третье апреля. Пожалуйста, приезжай! С надеждой на встречу, Светлана Рогозина (Крезье)».

– Она будет очень рада, – повторила Маша.

Все-таки голос у нее, очевидно, звучал странно, как она ни старалась придать ему непринужденности. Потому что Сергей отставил джеззу в сторону и подсел к жене, внимательно глядя на нее.

– Ты кофе собирался варить, – напомнила Маша.

– Подождет. В чем дело?

– Ты о чем?

Она нашла в себе силы улыбнуться и пожать плечами. Подумаешь, бывшая одноклассница удачно вышла замуж и, кроме фамилии Крезье, приобрела состояние, позволяющее оплатить трехдневное проживание в отеле всему классу. Впрочем, нет: не всему. В письме ясно сказано: «Хочу

собрать небольшой девичник». Значит, приглашены только дамы.

– Тебя напрягло это письмо, – спокойно сказал Сергей. – Я хочу понять почему.

– У тебя профдеформация, – попыталась отшутиться Маша. – Переносишь навыки частного сыщика в семейную жизнь?

Он не улыбнулся, не ответил на подначивание. Просто внимательно и долго смотрел на нее, так что ей снова стало не по себе.

– Сработал эффект неожиданности. – Маша сложила плотную бумагу самолетиком и сделала вид, что хочет запустить его по кухне.

Бабкин даже не взглянул на самолетик.

– Мы с ней не были близкими подругами, – пожалала она плечами. – Честно говоря, у меня вообще не было подруг в том возрасте. Много чего не было. Мини-юбки, например, а мне ужасно хотелось такую, знаешь, джинсовую и в заклепках... («Господи, что я несу!») Как полагаешь, пошла бы мне мини-юбка?

– Ладно, – согласился муж, будто не слышавший ее последней фразы, – если это секрет, пусть остается секретом.

Маша неловко дернула рукой, и самолетик вырвался из пальцев.

Молниеносным движением Бабкин перехватил его. Прижал громадной ладонью к столу, разгладил и поднялся:

– Кофе будешь?

Если б перед ней был другой человек, Маша решила бы, что он забыл об ее отказе или не придавал ему значения. Но мужа она знала слишком хорошо. Сергей просто вычеркнул последние две минуты, когда она пыталась балансировать на грани полуправды и вранья. Он отлично все понял. «Ты не хочешь ничего объяснять. Поэтому мы сделаем вид, что все в порядке, забыв про это приглашение. Немножко отмотаем время назад и станем пить кофе как ни в чем не бывало», – вот что стояло за его словами.

«Кого я пытаюсь обмануть?»

– Светка Рогозина – королева нашего класса «А», – сказала Маша совсем другим тоном. – Я не видела ее... дай-ка подумать... Если мне сейчас тридцать пять, значит, без малого двадцать лет. Мы учились вместе с восьмого класса. Наша семья тогда переехала, и в сентябре я пошла в новую школу. Мне там было не слишком весело.

Она замолчала, вертя в руках пустую чашку.

Иногда говорить о прошлом – то же самое, что пытаться пересказать сон. Слова вдруг становятся пусты и бесполезны, как дырявая чашка, в которую нельзя налить ни грамма смысла.

– Тебя травили? – прямо спросил Сергей.

Маша едва не засмеялась.

– Ну что ты. Я прожила эти четыре года довольно тихо. И вообще старалась держаться... Ну, в стороне.

– В стороне от чего?

– Трудно сказать. Ничего особенного не происходило. В пересказе это звучит ерундой, честное слово! Подумаешь, королева класса наградила прозвищами всех одноклассников. Пустяки же. Или высмеивала какого-нибудь бедолагу, когда того вызывали к доске... Ничего выходящего за рамки обычных школьных склок.

– Точно? – муж нахмурился.

Маша кивнула. Надеюсь, хотя бы кивок выйдет убедительным, подумала она. Ту старую историю ворошить не станем, ведь в ней, если подумать, действительно не было ничего ужасающего.

– Правда, был один странный эпизод... – вспомнила она, торопясь перевести разговор. – Не со мной, с другой девочкой. В одиннадцатом классе. Но я провалялась с ангиной, так что все пропустила. А когда вернулась в школу, у меня не было никакого желания все это ворошить.

...Их большой, чистый, светлый класс с бородатыми лицами Толстого, Достоевского и Тургенева на стенах... Запах мела. На подоконнике алеет декабрист. Белка, Белла Шверник, выбегает навстречу с вытаращенными глазами:

– Елина! Мы думали, ты умерла!

Кто-то из мальчиков улюлюкает, а добрый толстяк Ванеев улыбается ей украдкой. Краем глаза Маша замечает Юльку Зинчук, с очень короткой стрижкой, выкрашенной

в какой-то нелепый грязно-желтый цвет. Губанова, жующая неизменный бутерброд, мычит что-то приветственное. И тут Рогозина, встряхнув золотыми кудрями, спрыгивает с подоконника и идет навстречу Маше – прелестная, как Бэки Тэтчер, с этими прозрачными зелеными глазами, в белоснежной кружевной блузке с жабо, такой восхитительно несовременной, что сразу становится ясно: последний писк моды.

Держи лицо, приказывает себе Маша, держи лицо – а внутри все ухает куда-то вниз и падает, падает, падает...

– Дети, Куклачев вернулся! – голос у Светки пока расслабленный и ленивый.

– Ты привел с собой котиков, дядя клоун?

Докопается, понимает Маша, все-таки она докопается до меня. Маша молчит, и молчание, как волна, разбегается от нее. Сначала перестают болтать Кувалда с Савушкиной. Стихает Белка Шверник. На задней парте, где Лушко с Гриневичем рисуют голых баб, обрывается коллективное ржание и наступает выжидательная тишина.

– Ты что, пришел без котиков? – Светкин голос по-прежнему издевательски нежен. – На фига ты вообще тогда приперся?

Тишина.

– Почему я никогда не смеюсь на твоих выступлениях, а?

– Потому что у тебя нет чувства юмора? – не выдерживает Маша.

Общий, почти неслышимый вздох пронесется по классу. Елиной полагалось смиренно получить свою порцию издевок и безропотно поникнуть.

Светка окидывает Машу таким взглядом, будто снимает мерку для гроба. Из голоса начисто пропадает ленца. Теперь им можно вскрывать консервные банки.

– Дядя Куклачев, ты идиот?

Врежу, понимает Маша, я ей сейчас врежу. Господи, как обидно – дотянуть до одиннадцатого класса и сорваться на финишной прямой. Она ведь только этого и ждет!

В голове сильными толчками пульсирует кровь. «Бей! – приказывает внутренний голос. – Ударь ее – и на этом все закончится!»

Маша шагает вперед, сжав кулаки, как вдруг толстяк Ванеев громко и очень убедительно мяукает с третьей парты.

Все вздрагивают от неожиданности.

– Хочешь, я буду твоим котиком, Манечка? – ухмыляется он.

– Хочу, Митенька, – в тон ему отвечает Маша.

– А ты меня не кастрируешь, Манечка? – пугается Ванеев.

Все смеются. Рогозина после паузы тоже начинает смеяться – кудри сверкают на солнце, когда она запрокидывает голову, – и Маша понимает, что на этот раз пронесло.

– ...Машка!

Она вздрогнула и непонимающе взглянула на мужа.



– Кличка, спрашиваю, какая у тебя была? Ты сказала, она всех наградила кличками.

– А, да... – Маша аккуратно свернула письмо и спрятала в конверт. – Меня прозвали Куклачевым.

Сергей фыркнул от неожиданности.

– Это еще почему?

– Из-за волос. Ну, понимаешь, рыжая – значит, клоун. Клоун – значит, Куклачев.

– А-а-а! Ну и глупость.

– Глупость, ага, – согласилась она. – Знаешь, что мне больше всего не нравится в этом письме?

– М-м?

– Мой почтовый адрес на конверте. Я никогда не давала его ни Рогозиной, ни кому-то еще из нашего класса.

– Откуда же она его узнала? – заинтересовался Сергей.

– Вот именно. Откуда?

## 2

В дверь туалета постучали – довольно бесцеремонно.

– Эй, у тебя там все в порядке?

Матильда оторвала взгляд от теста, на который она таращилась последние пять минут.

– Да, Наташ, – откликнулась она. – Извини! Скоро выйду.

Две полоски. Две полоски. Две полоски.

Вот же черт!

Адски захотелось курить. Но последнюю в своей жизни сигарету Матильда затушила во дворике женской консультации, когда узнала о первой беременности.

Вернее было бы сказать, не узнала, а подтвердила. Всех своих детей она чувствовала еще до того, как врачи сообщали: вы, Губанова, беременны. И в этот раз ее тоже покалывало знакомое ощущение, но Матильда умела виртуозно забалтывать саму себя. Невозможно, говорила она, мы предохранялись так тщательно!

Нате ваше «тщательно». Получите посылочку от аиста с капустой.

– И распишитесь! – пробормотала Матильда, пряча тест в сумку.

Она поправила лифчик, мужественно сдерживавший напор ее плоти единственным крючком (два других оторвались, пав в неравной борьбе), одернула блузку. Подумав, подвела губы помадой отчаянно-кумачового цвета: словно флаг поднимала, собираясь в атаку.

И храбро вышла из туалета.

– Тебе спортом надо заняться, – сообщила Наташка, хрустя галетой. – Тогда запоров не будет.

Матильда покраснела. Подруга твердо стояла на позиции «что естественно, то не постыдно», прямым текстом комментируя все физиологические процессы своего и посторонних организмов.

– Заодно и фигура появится... – Наташа скептически

оглядела Матильдины тела. — Когда-нибудь. Ты глянь на меня! О! О!

Она продемонстрировала пресс и бицепсы. Гладкая, мелкая, сухая, как саранча.

— Нат, у тебя в доме кто живет? — миролюбиво поинтересовалась Матильда.

— Ты же знаешь: хомяк.

— А у меня — четыре оглоеды и муж. Какой спорт?

— Дети — цветы жизни! — провозгласила Наталья.

— Угу. А я компост, из которого они произрастают.

— Мотя!

— А компост, он какой? — упрямо продолжала Матильда. — Правильно: жирный! Так что я устроена в соответствии с природным замыслом.

Подруга бросила ей галету.

— Ты мне тут природным замыслом не прикрывайся! Зачем рожала тогда?

Матильда обезоруживающе улыбнулась.

— Так ведь нравится мне это дело, Нат. Ну что ты хочешь от меня — чтобы я сказала, что больше у меня ничего не получается, кроме как рожать пацанов? Давай признаюсь. Не получается. Дура я толстая. Неумеха. Размазня.

— У тебя, кстати, помада размазалась.

Матильда взяла салфетку и тщательно отерла губы. Вот вам и флаг! Наш отряд капитулировал без боя.

Она откусила галету и сморщилась. Картон поджарен-

ный...

Наталья вдохновенно заговорила о спорте, Матильда слушала, кивала, а сама думала о больнице. Аборт. Слово-то какое мерзкое, будто собаке палку кинули, а попали по Матильде. Прямо по животу. Хлобысь палкой – и нету ребеночка.

«Что же мне, пятого рожать? Надорвусь. И Валерка надорвется. Хватит с него, что он двоих неродных воспитывает».

– Ты меня не слушаешь! – рявкнула Наталья, заметив ее затуманившийся взгляд.

– Слушаю-слушаю! – Матильда схватила галету и виновато схрумкала ее целиком. – Я просто... задумалась!

– О чем?

«О том, что девчонку мне судьба не посылает. А еще одного мальчишку я сама не хочу».

– На слет меня пригласили, – вспомнила она. – То есть на встречу. Бывших одноклассниц. В подмосковном отеле.

Наталья удивилась.

– Тебя? – уточнила она. Как будто могли пригласить какую-то другую Губанову, а еще лучше – ее, Наталью.

– Меня, угу, – подтвердила Мотя.

– Зачем? – еще сильнее удивилась подруга.

– Для контраста! – рассердилась Матильда.

Она поднялась. Невозможно сидеть тут и выслушивать пустую болтовню Натальи, притворяясь, что все в порядке! Ей остро захотелось оказаться одной, чтобы никто больше

не колол злыми вопросами и недоумением по поводу того, зачем кому-то понадобилась Матильда Губанова.

– Нет, ты не уходи! – заметалась Наталья. – Ты не бросай меня так! Я же хочу знать! Серьезно, тебя позвали?

– Серьезно. На три дня. Весь банкет за счет одной из наших... бывших.

– Ого! Кто такая?

– Да стерва законченная! – в сердцах бросила Матильда. – Богатая сука. Не знаю, что за каприз у нее, и знать не хочу. В приглашении сказано, что она оплачивает все: и номер, и питание трехразовое, и спа, и даже массажиста.

Маленькие глазки Натальи жадно засверкали.

– Ой, Мотька, а можно я поеду?

– В смысле?

– Ну, вместо тебя! Все равно ведь все будет оплачено, какая им разница, кто приедет! А можно устроить еще лучше, – она восхищенно щелкнула пальцами. – Я скажу, будто я – это ты! Похудевшая, похорошевшая, ухоженная, с прической нормальной, с зубками отбеленными...

Матильда прервала этот поток славословий:

– Подожди-ка! А с чего ты вообще взяла, что я туда не собираюсь ехать?

Ната ошеломленно уставилась на нее.

– А ты что, собираешься?

– А почему бы и нет?

– Ты? Ты?!

«Ты, бестолковая тефтелина, ничего не добившаяся в жизни? – перевела Матильда. – В компанию красивых, благополучных, способных выкупить дюжину номеров в явно недешевой гостинице? В компанию юристов, дизайнеров, менеджеров и просто успешных жен?! Да ты с ума сошла!»

Она прошла в прихожую, вошла в свои разношенные сапоги, слушая недоуменное и даже обиженное сопение подружки. Наталья не понимала, почему не ей, сухой и поджарой, достанется массажист и трехразовое питание.

– Зачем тебе туда ехать? – сделала она последнюю попытку. – Ты сама рассказывала, что над тобой смеялись в школе! Что ты там получишь, кроме унижений?

Матильда уже стояла в дверях. Она мигом вспотела в пальто, шея под шарфом стала противно влажной.

– А плевать! Пускай смеются. Зато отдохну! От пацанов, от всего этого... – она сделала неопределенный жест рукой. – Пускай мне тушку массируют! И в сауне парят! И водорослями обертывают!

С каждым новым восклицанием лицо подружки вытягивалось все сильнее.

– Брошу все! – продолжала разгоряченная и отчего-то ужасно расхрабренная Мотя. – Гуляй, рванина! За три-то дня – эх, отосплюсь на две недели вперед! Ну все, Натусь, до встречи – потом позвоню, когда вернусь!

Наталья так хлопнула дверь, словно хотела оторвать ее. Оказавшись на лестничной площадке, Мотя вытерла пот

со лба и медленно побрела вниз по лестнице.

«Чего это ты, мать, так разбушевалась? – спросила она себя, пройдя два пролета. – Врать нехорошо!

– А в чем это я соврала?

– Ты ж никуда не поедешь!»

И внезапно поняла, что поедет. В самом деле, начхать на Рогозину, начхать на всех остальных – но ей нужен этот отдых, эти три неожиданных дня; ей необходимо побыть вдалеке от семьи, чтобы здраво взвесить последствия поступка, на который она собирается решиться. Ей вспомнилось, как Светка на переменах пихала в нее бутерброды с колбасой – это называлось «кормление свинообразных».

«Попробует запихать в этот раз – откушу вместе с рукой!»

Матильда Губанова по кличке Тетя-Мотя ухмыльнулась и достала из сумки кумачового цвета помаду.

– Трепещите, девки! – вслух сказала она. – К вам едет бегемот!

### 3

С Юрой они почти привычно поссорились перед его отъездом. Но ссора не переросла бы в безобразный скандал, если бы Саша не уронила косметичку.

До этого все шло прекрасно. Во всяком случае, до той минуты, когда он сказал с виноватым видом: «Прости, дружок, мне пора».

– Уже?

Саша изумленно взглянула на часы. Половина седьмого, а он обещал, что останется до полуночи. Она запекла мясо в духовке, купила его любимое вино...

Он помялся в дверях – долговязый, заросший щетиной. На подбородке шрам – в детстве упал с качелей и рассек кожу о камень. На правом виске седина ярче, чем на левом. Иногда Саше хотелось, чтобы она не могла воспроизвести в таких подробностях его лицо. Пусть бы кто-нибудь всемогущий дал ей ластик, которым можно стирать из памяти и из снов.

– Она позвонила, – неловко объяснил Юра. – Говорит, срочно нужно что-то обсудить.

«И ты, конечно, сорвался к ней по первому зову».

Саша не сказала этого вслух. Их отношения не подразумевали, что она имеет право на претензии. В самом начале, когда все еще можно было отыграть назад, Юра честно предупредил: жену не брошу. Она беспомощная, у нее случаются приступы, она может довести себя бог знает до чего!

Саша тогда мысленно поаплодировала этой проныре. Старый как мир способ: «я-без-тебя-погибну-любимый» – но ведь работает же! Даже такой умный во всех отношениях человек, как Юрка, купился на этот фокус.

Неприятная мысль, что он не купился, а лишь делает вид для нее, проносилась ледяным сквозняком в голове – но Саша тут же отгоняла ее прочь.



Иногда она с невеселой усмешкой думала, что в мастерстве создания иллюзий для внутреннего пользования ей нет равных. Кто она такая, если взглянуть объективно? Александра Стриженова, тридцать пять лет. Любовница женатого мужчины. Бездетная, незамужняя. Втянутая в служебный роман – какая пошлость! А кем она себя видит? Любящей и любимой женщиной. К тому же объединенной с возлюбленным общим делом.

Саша подозревала, что в не столь отдаленной временной точке две этих видимости столкнутся, и тогда ей придется тяжело.

– Может, ты поговоришь с ней и вернешься? – голос звучал жалобно.

Он покачал головой.

– Извини, дружок. Ты же понимаешь...

Саша все понимала.

Однако в душе стремительно разрасталась злая обида. Так что к той минуте, когда Юра оделся, Саша успела наговорить ему некоторое количество неприятных слов.

Ругаться с Юркой было все равно что кричать в подушку. Он гасил любую агрессию. Через некоторое время Саша просто выдыхалась, и они делали вид, что ничего не произошло.

Так случилось бы и на этот раз. Все бы обошлось, если бы она не уронила косметичку.

Юрка пытался притянуть Сашу к себе, обнять, помириться – и она случайно сшибла ее с тумбочки.

Два корректора, три пудры, тон, замазка от синяков, тушь четырех цветов – все рассыпалось по полу. Стриженова вскрикнула. Весь небогатый арсенал ухищрений, чтобы скрыть свой возраст: круги под глазами, носогубные складки, мелкие неровности кожи, поплывшие уголки губ... Три помады и два блеска, чтобы казаться соблазнительнее для него. Ему тридцать пять, и он мужчина в расцвете лет; ей тридцать пять, и она... Впрочем, достаточно. Ей тридцать пять, и не нужно ничего усугублять объяснениями.

Саша остолбенела. Она видела рассыпавшуюся косметику, понимала, что Юра это видит, и ее жгли стыд и ярость. Все жалкие убогие хитрости оказались выставлены напоказ! Она закричала ему что-то ужасно жестокое и злое, несправедливое – такое, что он отшатнулся. Но остановиться Саша уже не могла. Она наступала на него, слова сами срывались с губ, и в конце концов он постыдно бежал, ошеломленный всплеском ее ярости.

Оставшись одна, Стриженова расплакалась. В слезах она ползала по полу, собирая свою косметику. Но лишь через час ее настигло страшное озарение: Юрка же ничего не понял! Для него осталось загадкой, что произошло. Ну да, он был неосторожен, из-за него раскатились какие-то тюбики – ну и что? Неужели из-за этого она словно сошла с ума?!

Саша расплакалась второй раз. Уже от того, какой истеричной дурой выглядит в его глазах.

Она выпрямилась перед зеркалом, отерла слезы.

Что за лицо! Губы недобро поджаты, в глазах страх... А эта вертикальная морщина – словно ров между бровей!

«Некоторые люди от любви хорошеют, – подумала Саша. – А некоторые – портятся».

Ей вспомнилась тетушка Эля, сестра матери, женщина артистичная и любвеобильная. Собираясь разводиться с очередным супругом, Эля экспрессивно объясняла Сашиной маме, что толкнуло ее на этот шаг. Причина всегда была одна. «Я чувствую, что с ним бегу навстречу жестокой неврастении!» – патетично восклицала тетушка. На Сашиной памяти невроз у тетки ни разу не случалось. Несмотря на то, что выглядела Эля прелестной сумасбродкой, головка у нее была ясная, а нервная система крепкая, как у снайпера.

– Бегу навстречу неврастении, – повторила следом за тетушкой Саша, вспомнив эпизод с косметичкой.

В отличие от тетушки Эли, в ее случае это была правда.

Уехать бы! Сбежать к морю, сбросить старую истерзанную шкуру, бродить по берегу, ничего не видя, кроме приливов и отливов – пусть вымывают из бедной головы всю муть и накипают...

Саша уцепилась за эту мысль. К морю? Да куда угодно, лишь бы подальше от нынешней жизни!

В дверь позвонили. На площадке стояла соседка и размазывала белым прямоугольником.

– Александра, мне по ошибке в ящик твое письмо сунули! Танцуй!

Вернувшись на кухню, Саша распечатала конверт. Ей пришлось перечитать письмо трижды, чтобы понять, о чем идет речь.

Когда зазвонил телефон, она сидела в окружении вороха старых фотографий. Девятый класс, десятый, одиннадцатый... Все годы она ощущала себя редкостной страхолюдиной. Сейчас остается только удивляться: отчего? Миловидное лицо, стройная фигурка...

Та же тетушка Эля на каждый свой день рождения заявляла: «Обожаю свой новый возраст! Дурь уже выветрилась, до мааразма еще далеко!»

Саша многое бы отдала за такое мировоззрение. Но привить себе Элины мысли, как веточку к дереву, у нее не получалось.

– Не успеешь выбраться из подростковых комплексов, как тебя засасывает страх старости, – грустно сказала Саша девочке с фотографии. – Доживешь до моих лет, поймешь.

Телефон все трезвонил и трезвонил. Саша ответила, не взглянув на определитель.

– Дружочек, прости меня, – проговорил Юра. Голос в трубке звучал гулко, на заднем плане слышались гудки машин и чей-то приглушенный смех.

Саша представила, как он стоит посреди сквера, а по кустам бегают миттельшнауцер Васька. Окна смотрят желтыми глазами, точно коты, между домов заблудился ветер и рвется куда-то, ищет выход.

– Ну не молчи, – устало попросил он. – Поговори со мной, Саш.

Она сидела, прижав горячую трубку к уху.

– Ладно, – согласился Юра. – Давай я скажу. Я тебя люблю – ты знаешь?

Еще утром Саша плакала бы от радости, услышав это.

– Я тебя тоже люблю, – медленно ответила она. – Но я устала тебя любить, Юр. Мне от этого плохо.

– От любви не бывает плохо.

Саша даже рассмеялась его чистосердечному признанию. Оно означало, что у Юры все хорошо, и он не понимает, как может быть иначе. В одном доме жена, в другом – подруга. И везде тебя ждут, и везде тебе рады.

– Она уедет в начале апреля, – наконец сказал Юра. – Хочешь, махнем куда-нибудь вместе?

– Нет.

– Почему?

– Потому что в начале апреля меня не будет в городе.

– А где ты будешь? – удивился он.

– Прости. Я не хочу с тобой это обсуждать, – произнесла Саша фразу, которую еще вчера даже представить себе не могла в его адрес, и нажала «отбой».

В отеле «Тихая заводь», вот где.

Она вытащила из кучи снимков групповую фотографию их класса. Вот она стоит, крайняя слева во втором ряду – юная испуганная девочка, заточенная в башне своего урод-

ства, которого на самом деле никогда не было. Девочка не верила, что ее кто-нибудь когда-нибудь сможет полюбить.

Ну вот, тебя полюбили, сказала ей Саша. Стало легче?

Она решительно сгребла все снимки в грудку. «Поеду, поеду в «Тихую заводь». Прекрасное название, соответствующее моменту».

– Камень на шею – и в тихую заводь, – усмехнулась она.

Все-таки ужасно интересно, во что превратились бывшие одноклассницы!

## 4

«Любопытство – острый крючок. Они заглатывают его с жадностью. Уже восемь человек подтвердили, что принимают мое предложение. Еще бы! Оно заманчиво, как отфотошопленные снимки в проспектах турфирм.

Восьми вполне достаточно для того, что я задумала. Плывите ко мне, рыбки. Заводь ждет вас, мои красноперые малышки.

Устроим небольшое представление! Поднимем занавес, распахнем двери, сдернем ряску с омута прошлого и рассладемся вокруг, болтая ножками в воде, – совсем как лучшие подружки! Смотрите внимательно, девочки: спектакль начинается.

А если одну из вас ненароком утащит в этот омут, я не виновата.

Ну, почти не виновата. Это ведь не я – то чудовище, которое обитает на вязком, илистом дне.

Я всего лишь помогла ему проснуться».

# Глава 2

## 1

Люба Савушкина заехала за Иркой ранним утром – еще не было шести. Ира смотрела из окна, как ловко подруга паркуется в их забитом машинами дворе. «Мини-купер» выглядел сверху как покрашенный алым лаком ноготь на мизинчике.

– Коваль, ты не готова? – удивилась Любка, увидев Ирину в ночной сорочке. – Живее, мон шер, живее!

Пока подруга суматошно швыряла вещи в сумку, Савушкина нацедила кофе и забралась с ногами на диванчик.

– Слушай, зачем она вернулась? – крикнула Ирка из соседней комнаты. – Столько лет по заграницам...

– А желание собрать бывших одноклассниц тебя не удивляет?

Чиркнуло колесико зажигалки. Из гостиной потянуло сладковатым дымом.

– Меня все удивляет, – пробормотала Ира. – Люб!

– Что?

– Лю-люб!

– Ну что, что?



– Давай не поедем!

– С ума сошла?

– Не нравится мне все это!

Любка возникла в дверях: сигаретка дымится в тонких пальчиках, волосы кудрявятся, как у ангелочков на старых открытках. Рядом с подругой Ирка всегда казалась себе троллем. Великаном, рожденным из скал, громоздким и неповоротливым. Они еще стихи читали в восьмом классе: «Кто создан из камня, кто создан из глины, а я серебрюсь и сверкаю» – единственное, что накрепко врезалось ей в память из школьного курса литературы. Ирка тоже хотела бы серебриться и сверкать. Но кудри, маленькая головка и вкрадчивое изящество достались не ей, а Любе Савушкиной.

– Коваль, кончай рефлексировать, – приказала Любка. – Что на тебя нашло?

Ира не успела ответить – из соседней комнаты выплыла сонная дочь.

– Привет, тетяЛюб!

– Здравствуй, прекрасное дитя.

«Прекрасное дитя!» Ирка издевательски захохотала про себя. Дочь выросла ее точной копией: крупной, сутулой, нескладной. Иркина мать, чьим смыслом жизни было извилисто выгрызть людям мозг, как червяк яблоко, не раз с удовольствием заявляла, что у девочки тоже не сложится с личной жизнью, если Ирка немедленно не примет меры.

Ира единственный раз взорвалась, как новогодняя петарда. «Какие меры? – заорала она в трубку. – Ну, какие, скажи?! Мне что, в публичный дом ее пристроить?!»

Мать оскорбленно помолчала, давая дочери возможность осознать, какую чудовищную ошибку она только что совершила. И когда та уже готова была просить прощения, ледяным голосом пригвоздила:

– У тебя денег столько нет, чтобы твою кобылу взяли в публичный дом.

И повесила трубку.

– Слушай, Люб, – сказала Ирка проникновенно, – я нутром чую: что-то здесь неладно. Ты подумай сама: столько лет ни слуху ни духу, один треп в Сети!

Люба от души расхохоталась.

– Издеваешься? Да она каждый свой шаг протоколировала, как звезда Голливуда. Все переезды и замужества описывала в подробностях! Вконтакт, Инстаграмм, Одноклассники...

– Это интернет!

– А какая разница? Или ты хотела, чтобы она тебя в Италию пригласила, пожить на вилле?

– В Италию я рылом не вышла, – мрачно пробормотала Ира. – Но вообще-то могла бы и пригласить. Как-никак бывшие подруги.

– Ну вот она нас сейчас и приглашает. Не глупи, Коваль! «Она не только нас зовет, – хотела возразить Ира. –

Она зовет тех, кого за людей не считала двадцать лет назад. Что-то здесь не то...»

Но вместо этого сказала другое:

– Если меня с работы попрут, я останусь в полной заднице.

– Расслабься, – успокоила Любка. – Ты же отпросилась? Значит, никто тебя не уволит.

На стуле завибрировал телефон.

– Мать звонит, – испугалась Ирка, взглянув на экран. Все мысли о предстоящей поездке разом вылетели из головы.

– Не бери, – посоветовала Любка. – Ты в дороге.

Коваль ответила ей безнадежным взглядом. «Как собака, которая ползет к хозяину, даже видя в его руке плеть», – подумала Савушкина и отвернулась.

– Да, мам, – тихо сказала Ира в трубку. – Доброе утро, мам.

Любка вздохнула и принялась укладывать Иркины вещи в сумку. Через динамик до нее доносились визги, перемежавшиеся рыданиями: мамаша Коваль вкладывала в концерт всю душу, заодно разъедая чужую. «У тебя дочь... Пятнадцать лет... – надрывалась Лариса Петровна. – Одну! Как можно!.. Мужиков наведет...»

– Мама! – взмолилась Ира.

«Байстрюков растить будешь!» – отплевывалась трубка.

– С ней отец остается! Родной ее отец! Каких байстрюков, каких мужиков, мама! Ты о своей внучке говоришь, между

прочим.

Но когда мамашу несло по волнам праведной ярости, пытаться укоренить в ней семечко здравого смысла было сродни попытке остановить цунами поднятой ладошкой.

«Шалашовка ты подлая! – завизжала трубка. На миг Любке показалось, что бедный телефон сейчас треснет и развалится, не вынеся заряда этой лютой злобы. – И дочь у тебя такая же!»

Ирка съежилась на кровати – большая, коренастая – и только морщилась и вздрагивала время от времени. Казалось, из трубки на нее хлещет кислотный дождь и прожигает на коже дымящиеся язвы.

На «шалашовке» Любка поняла, что с нее довольно. Она вынула телефон из окаменевшей Иркиной ладони и нажала «отбой».

Коваль, смаргивая слезы, ошарашенно уставилась на нее. – Этот цирк, Коваль, хорош только для клоунов, – холодно сказала Любка. – Ты клоун?

Ирка молчала.

– Если тебе по душе танцы садиста с мазохистом, наслаждайся, – безжалостно прибавила Савушкина. – Но меня уволь от роли зрителя.

Ирка медленно выпрямилась. Белобрысая челка ее прилипла ко лбу, с толстых щек медленно сползал багрянец.

– Я не мазохист...

– Да, ты просто преданная дочь, – мило улыбнулась Люб-

ка. – Завтра твоя маменька будет звонить и требовать, чтобы ты поколола ей витаминчики в ее царственную задницу. И ты согласишься.

– А как иначе-то, Люб...

Вкрадчивый голос Любки вдруг обрел звенящую ярость.

– Иглу от шприца воткнуть в глаз этой стерве, вот как иначе! Да по морде врезать, чтобы зубы полетели!

– Я одному уже врезала, – усмехнулась Ирка. – Напомнить, чем закончилось?

Любка поморщилась. Адвоката для подруги тогда пришлось искать ей. И договариваться с Иркиным супругом тоже. Глядя на его перекошенную физиономию с растекшейся от виска до подбородка лиловой гематомой, Любка испытывала одновременно удовлетворение и ненависть. Второе чувство подогревалось, помимо прочего, категорическим отказом поганца идти на компромисс. «А пускай хлебнет тюремной баланды, – блажил он, лежа на больничной койке. – А пускай ее там отмутузят до кровавого поноса! А бабла мне твоего не надо! Подавись ты им, стерва!»

О том, что случилось дальше, Любка никогда подруге не рассказывала. И подозревала, что экс-супруг тоже не трепал языком об истинных причинах своего согласия замять дело.

– Ладно, бери телефон – и в путь-дорогу, – уже спокойно сказала Любка. – Не стой столбом! Нас ждет увлекательнейшая встреча!

– Ты о Рогозиной?

– Я о прошлом, Коваль!

Ирина взглянула на подругу, и выражение ее лица показалось Любе Савушкиной таким странным, что она замедлила шаг.

– Ир, ты чего?

– А как ты думаешь, Юлька Зинчук тоже приедет?

Люба остановилась.

– Даже если и приедет, какая нам разница? – сказала она после недолгого молчания. – Столько лет прошло. Бурьяном все давно поросло!

– Бурьяном, – эхом откликнулась Ирка.

Взгляды женщин встретились.

## 2

Анна Липецкая остановилась перед отелем, засунув руки в карманы пальто. Недружелюбный апрельский ветер сорвал с нее капюшон, словно требовал уважения к этому месту.

Или к тому, что здесь вскоре произойдет.

«Да ничего не произойдет, – усмехнулась Анна. – Посмотрим друг на друга, порезвимся на тему, кто постарел, а кто раздался от родов. Злорадно измерим глубину чужих носогубных складок. Перемоем кости Рогозиной. И разъедемся по домам».

– Если никто не прикончит ее по старой памяти, – вслух

сказала она.

В конце концов, глупо скрывать: у половины присутствующих есть повод это сделать.

«Был. В старших классах!»

– Времени многовато прошло, – признала Анна. – Но школьные обиды превосходно консервируются, ты не замечала?

Сидящая на дереве ворона уставилась на нее с недоумением. Кажется, будь у вороны указательный палец, она покрутила бы им у виска.

Липецкая протерла очки и тоже уставилась на ворону.

– Никогда не видела людей, которые разговаривают сами с собой?

Птица разинула клюв, хрипло каркнула и улетела.

В кармане пискнул айфон. «Ты добралась»? – высветилась эсэмэска от Ильи.

И буквально через секунду – от Лерки: «мама можно я возьму твою рубашку зеленую в горошек она мне больше идет хотя тебе тоже ничего».

Анна улыбнулась, глядя на фото дочери в телефоне. В портмоне у нее хранилась их семейная фотография, а на рабочем столе стоял портрет в рамке: они втроем на море, загорелые, счастливые, смеющиеся. Лерка с пластинкой на зубах, Илья в черных круглых очках, как у кота Базилио, она сама – в голубой косынке, сползающей на глаза. Полное море счастья.

Все сотрудники были убеждены, что Липецкая подражает иностранным бизнесменам. У которых, как все знали из иностранных же фильмов, на столе непременно должны красоваться снимки детей и супруга. В сентиментальные чувства Липецкой сотрудники не верили, и правильно делали. Но они и понятия не имели, зачем в действительности Анна держит фотографии на видном месте.

Это были вешки, обозначающие правильный путь. Условные знаки: со мной все в порядке. Я нормальная! У меня есть семья! Посмотри, вот они: веселый бородатый муж, дочь с челкой, выкрашенной в розовый цвет.

Якоря, цепляющие Анну Липецкую за ту жизнь, где она не была «психованной», «шизой». Где с ней все было хорошо.

Но сколько Анна ни пыталась защитить себя, как магическим кругом, снимками, звуками голосов, вещами, подаренными мужем, все равно время от времени возвращался один и тот же кошмар.

Снилось, что они завтракают воскресным майским утром. Солнце нагрело стол, как будто на нем спала кошка. Лерка болтает ногой. Капля вишневого варенья падает на блюдо.

И вдруг без предупреждения реальность начинает расслаиваться. Воздух плывет, словно в сильную жару, раздается отвратительный хруст, и одна за другой лопаются прозрачные нити, стягивающие их жизни вместе. Реальность расплывается, и муж с дочерью остаются в одном слое, а она, Ан-



на, – в другом. Ее отбрасывает в комнату без окон, с одним лишь зеркалом на стене. Там темно, и ветер сквозит из всех щелей, выдувая душу из тела.

Они больше не видят ее; они едят, смеются, макают блинчики в варенье – и не помнят о том, что она существует. Анна кричит из своего зазеркалья, бьет кулаками по невидимой преграде.

Бесполезно.

Ее больше нет с ними.

Она осталась одна.

Каждый раз, выныривая из этого кошмара, Анна в панике хваталась за Илью, вернее – за его подбородок. Короткая борода колола ладонь. Это ощущение моментально сшибало с нее остатки сна и перебрасывало в явь.

«Ты мне бороду во сне пыталась выдрать, лунатик несчастный! – каждый раз возмущался муж. – Не трогай святое!»

– Ши-за, – зачем-то вслух проговорила Анна, пробуя забытое слово на вкус. Словно гвоздь забивают в голову двумя ударами молотка.

Она взглянула на часы, подаренные Ильей. Еще целый час...

Трехэтажное желтое здание отеля возвышалось над парком. Липецкая ожидала стиля «совковый минимализм», но то, что она увидела, ей неожиданно понравилось. Похоже, когда-то это был небольшой летний дворец. Изогнутый по-

лукругом перед фонтаном, из которого торчал дельфин с отбитым носом, он выглядел аристократически обветшалым, и это придавало ему обаяния. Вокруг раскинулся просторный парк с дорожками и скамейками.

Весной и летом здесь очень мило, решила Анна.

А пока ноздреватый снег бугрился вдоль дорожек, похожий на недопеченную булку. Вокруг поднимались крепкие липы, парк был чист и просторен, и только в самой его глубине угрюмо темнела огромная ель с осыпающейся неопрятной бахромой на лохматых лапах.

Выглядела она неуместно и чужеродно.

«Удивительное дело, – думала Анна, осторожно переступая через подмерзшие лужицы, – стоит мне представить, как мы снова соберемся все вместе, и восемнадцать лет куда-то исчезают. Я ведь не имею привычки разговаривать вслух сама с собой. Во всяком случае, с тех пор, как закончила школу. Зачем же я делаю это сейчас?»

Она потянула руку к лицу и спохватилась: не грызть ногти!

Ну вот, опять! Осталось сменить пальто на черный плащ в заклепках и обрить налысо половину головы.

Липецкая с неприятным удивлением поняла, что идет к ели, потому что ей нравится мысль об их сходстве. Об их уродливости, непохожести на прочих. Бедное дерево!

Вблизи дерево вовсе не выглядело бедным, однако ничем не напоминало и радостные новогодние елки. Косматое,

как медведь-шатун, грязное от налетевших сухих листьев с кленов и осин... Невозможно представить на нем ни цветные пузыри стеклянных шаров, ни гирлянды, подумала Анна. Зато оно сгодилось бы для тайного пристанища ведьм.

Заметив на елке давешнюю ворону, она ничуть не удивилась. На верхушке ворона, где-нибудь на ветках болтается побелевший коровий череп, а из-за ствола вот-вот выберется желтоглазый волк и осклабится в глумливой ухмылке...

– Тебе бы сказки писать, милая!

Птица молча смотрела на нее, и Липецкой внезапно стало не по себе. Предчувствие опасности холодком пробежало по позвоночнику, как струйка ледяной воды. Анна поежилась.

Ей захотелось вернуться к машине и уехать, удрать из этого места. Солнце зашло за облака, и желтый отель вдруг приобрел зловещее и необъяснимое сходство с домом умалишенных.

Но Анна Липецкая привыкла сначала анализировать эмоции, а потом действовать, руководствуясь разумом, а не чувствами. Тебя продуло на этом промозглом ветру, сказала она себе, вот ты и ищешь, где укрыться. Какое возвращение, не глупи: на въезде в Москву сейчас адские пробки! Не для того ты тащила сюда два часа, чтобы позорно бежать обратно при виде вороны.

– И потом, не забывай: у тебя здесь дело, – напомнила она себе вслух.

Анна Липецкая снова набросила капюшон и направилась по заасфальтированной дорожке к центральному входу.

Когда она отошла достаточно далеко, из-за ели выступил человек. Он проводил взглядом фигуру в длинном пальто и усмехнулся.

### 3

– Такси пришлют через пару часов, – сказал Сергей Бабкин. – Уверена, что мне не нужно с тобой?

– Я даже не уверена, что мне самой нужно ехать.

Маша захлопнула крышку чемодана, поднялась и обнаружила, что забыла на столе несессер.

– Машка, я серьезно! – гнул свое муж. – Дел сейчас нет, на три дня Илюшин меня отпустит. В этой «Тихой заводки» остались свободные номера, я посмотрел. Кстати, отель не из дешевых.

– Света Рогозина всегда была убеждена, что заслуживает самого лучшего.

Маша задумчиво взяла со стола общую фотографию их класса – единственную вещественную память о тех годах. Не считая дневников, которые, кажется, до сих пор хранятся у родителей. Ах да, и аттестата.

Бабкин заглянул через плечо.

– Красивая девочка, – признал он, кивнув на ту, что стояла в центре.

– Сказочно красивая! Здесь не разглядеть, но у нее еще и глаза изумительного оттенка – цвета весенней листвы. Сочные такие глазищи!

– Ты так говоришь, будто варенье из них собираешься варить.

– Тьфу на тебя!

Маша хотела сунуть снимок в карман чемодана, но муж удержал ее.

– Подожди! Дай свою будущую жену толком рассмотрю.

– Нечего меня рассматривать. Как говорил ослик Иа-Иа, душераздирающее зрелище.

Бабкин взглянул на снимок, где рыжеволосая девочка с тонкими чертами лица несмело улыбалась в камеру.

– Балда ты, Мария!

Он не удержался и притянул жену к себе, поцеловал в шею.

– Прекрати! – страшным шепотом проговорила та. – А если Костя зайдет!

– Костя «Рамштайн» слушает в своей комнате! Нужны мы ему сто лет!

Но Маша уже вывернулась и сурово погрозила ему пальцем:

– Не сбивай меня с настроения! Я как раз представляла, что я сильный и хладнокровный японский воин. У меня кодекс Бусидо – настольная книга! А тут ты со своими поцелуями!

– Не вижу причин, почему бы одному воину не поцеловать

другого воина, – сообщил Бабкин. – Тем более, японскому. И вообще, – спохватился он, – что это за подготовка такая к встрече одноклассниц! Воин!

Он взял ножницы и многозначительно ими пощелкал.

– Сереж, ты не понимаешь! – прочувствованно сказала Маша. – У меня на месте воспоминаний о старшей школе одна большая травма. И очень глупая! Мальчикам этого не представить.

– А я попробую.

– Не сможешь!

– Приложу все усилия, – пообещал Бабкин.

По коридору протопал пятнадцатилетний Костя, напевающий ломающимся баском: «Ду! Ду хаст! Ду хаст мих!»

– Я ж говорю, ему не до нас, – пробормотал Сергей.

– Ладно, давай про травму, – сдалась Маша и забралась в любимое кресло, похожее на половинку скорлупы. – Во-первых, меня никто не уважал. Во-вторых, я безобразно одевалась. Очень трудно быть независимой, когда ты в обносках. Я еще в школе поняла, что качественная одежда неплохо развивает чувство собственного достоинства, хотя родители за эту мещанскую мысль закидали бы меня гнилыми помидорами. Единственные школьные брюки мне сшила мама, они висели на заднице и пузырились на коленках. Блузка у меня была из секонд-хенда, с пятном на воротнике, которое ничем не выводилось. Я его маскировала брошью.

– Брошь тоже была из секонд-хенда?

– Нет, я ее смастерила сама на уроке труда. Трудовичка, когда увидела ее, уронила очки. «Машенька! – говорит. – Разве этому я вас учила?!»

– Ты ее в виде свастики сделала, что ли? – подозрительно спросил Бабкин.

– С ума сошел! Букетик цветов пришила к фетру. Выглядело, правда, так, словно лягушку стошнило незабудками. Зато под ней удобно было прятать пятно на воротнике.

– От этой картины на стене очень большая польза, – процитировал Бабкин. – Она дырку на обоях загораживает.

– Вот-вот. Я с дыркой на обоях, а Светка Рогозина в светлых обтягивающих джинсах и пушистых свитерах из мохера. Они тогда были безумно популярны! Я о таком свитере три года мечтала. А купила прошлой осенью!

– И что, хороший свитер?

– Хороший. Если в нем девочка шестнадцати лет, а не женщина тридцати пяти. Я в нем как йети, спустившаяся с гор. К тому же он розовый!

– А почему я не видел эту красоту? – удивился Бабкин.

– Потому что я дорожу нашим браком.

Сергей расхохотался.

– Слушай, то есть у Рогозиной была состоятельная семья?

– Папа – какая-то важная шишка в администрации района, мама при нем работала женой экстра-класса. Светка всегда знала, что выйдет замуж за иностранца. Она еще в восьмом классе заявляла, что в этой колхозной дыре ей не место.

Под колхозной дырой имелась в виду вообще вся страна.

– Масштабно, что сказать. А предки этим замыслом крылышки не подрезали?

– Родители Светку обожали, особенно отец. Она была избалована до такой степени, что временами казалась дурой, хотя это было вовсе не так. Представь: единственный ребенок! Раскованная, яркая, красивая, не терпящая никакой конкуренции! И тут у нее появляется братик.

– И оттягивает на себя ресурсы родителей, – понимающе кивнул Бабкин.

– Все, что Светка перестала получать в семье, она стала добирать в классе. Это я уже потом сообразила, много лет спустя. Она просто давила, как танк, всех, кто хоть как-то выделялся.

– И тебя в том числе?

– Всех, – повторила Маша. – Меня не слишком сильно: я прикладывала столько усилий, чтобы сливаться со стенами, что она это, очевидно, понимала. В чем в чем, а в уме и проницательности ей было не отказать.

– Дрянь какая-то законченная, судя по твоему описанию, – Бабкин снова взял фотографию, пристально вглядываясь в прелестное личико девочки в голубом свитерке.

Маша покачала головой.

– Она была сильной личностью. И абсолютно никого не боялась!

– Еще бы – при таком папе.



– Нет, Сереж, дело не в папе. Это черта характера. Светка могла родиться в трущобах и все равно плевала бы под ноги всем, кто пытался бы утвердить над ней свою власть. Заставить ее делать то, что она не хотела, не мог никто.

*1995 год, районная школа*

– Света, задержись на минутку!

Рогозина удивленно обернулась к завучу, сидевшей над тетрадами с красной ручкой. Завуч на этой неделе заменяла всех учителей подряд и к пятнице выглядела совершенно обессиленной. «Дерьмовая работенка, – подумала Светка. – И как только на нее люди добровольно соглашаются?»

– Да, Инна Аркадьевна?

– Дежурный класс в полном составе с уроков сбежал, – сказала та, не отрывая взгляда от очередного сочинения. – Будь добра, пройдишь со шваброй. Господи, что они пишут, что они пишут! – она всплеснула руками. – «Раскольников был продукт». Вот как это понимать? Какой продукт – маргарин, что ли?

– Продукт эпохи, Инна Аркадьевна.

– Ах, эпохи...

Завуч с бессмысленным взглядом покусала ручку.

– Маргарин, между прочим, тоже продукт эпохи, – рассеянно заметила она.

«Кукукнулась Голишкина, – констатировала Светка. – Шифер перегрелся на сочинениях».

– Простите, Инна Аркадьевна, я не поняла, что мне сделать, – вслух сказала она. Ей представилось, как она шагает по подиуму от бедра, помахивая шваброй. «А что, концептуальненько!»

– По классу пройдишь, – повторила завуч. – Вон как меловые следы разнесли.

Рогозина с изумлением уставилась на нее.

– Пол помыть, что ли? – после долгого молчания уточнила она.

– Да-да, протереть влажной тряпкой.

Инна Аркадьевна принялась размашисто писать что-то на тетрадном листе, не обращая больше внимания на Светку.

Но Света так долго и пристально смотрела на нее, что завуч ощутила на себе тяжелый взгляд и очнулась.

– Да? Что? – на секунду она забыла, о чем говорила с этой красивой девочкой.

– Инна Аркадьевна, я не буду мыть пол.

– Прости?

– Я не буду мыть пол, – громко повторила Рогозина. Широко расставленные зеленые глаза смотрели на завуча со спокойной уверенностью.

Голишкина сняла очки.

– У тебя аллергия на пыль?

– Нет у меня никакой аллергии, – Светка даже улыбнулась. Она могла бы выдумать тысячу причин, но не понимала, чем плоха правда. Ей нравилась завучиха, хоть та и вы-

глядела как очкастый кролик, и Светка не хотела оскорблять ее враньем.

– Тогда в чем дело?

– Я просто не буду. Не хочу.

Инна Аркадьевна надела очки и, моргая, уставилась на девушку.

– Я тебя не понимаю, Света.

Светка раздраженно переступила с ноги на ногу. Господи, что здесь непонятного!

– Я считаю, что это унинительно, – пояснила она. – Я и швабра – вы уж простите, Инна Аркадьевна, – это две вещи несовместные, как сказал классик.

Завучиха перестала моргать.

– Невсовместные, – повторила она. – Вот как.

– Абсолютно, – подтвердила Светка.

Они немного помолчали. Рогозина уже изнывала от желания идти домой. Но, как выяснилось, у завучихи остались вопросы.

– А почему они несовместные? – каким-то странным тоном поинтересовалась она.

«Шифер не просто перегрелся, но и треснул», – констатировала Светка. И постаралась подобрать понятные, простые слова.

– Я же не уборщица, Инна Аркадьевна. Я ученица старших классов.

– Но в нашей школе все ученики, когда дежурят, моют

полы!

– Только не я, – открестилась Светка. – Что я, дура, что ли?

– Светлана!

– Ну, серьезно, Инна Аркадьевна!

Светка искала объяснение, но видела по лицу завучихи, что та вряд ли что-то осознает. Как донести до нее, что уборщица – это низшая каста, а Света Рогозина никогда не опустится до этого уровня?

– Вы бы еще туалет предложили мне помыть! – нашла она. – Тоже полезный труд!

Голишкина начала багроветь.

– При чем тут полезный или нет! – резко сказала она. – Унитазы моет специально нанятый человек. А классы прибирают ученики своими силами.

– Нет у меня на это сил, – кротко заметила Света.

– Рогозина!

Инна Аркадьевна даже привстала от возмущения.

– Возьми, пожалуйста, щетку с тряпкой и протри пол, – отчеканила она. – Это минутное дело.

Светка покачала головой.

– Да ни за что! Делайте что хотите, но никто не увидит меня со шваброй.

Завучиха снова села.

– Так в этом все дело? – выщипанные брови полезли на лоб. – Ты стесняешься своих одноклассников?

Света испытывала не стеснение, а совсем другое чувство. Однако решила не поправлять Голишкину, раз уж та начала более-менее въезжать в тему, и просто кивнула.

Завуч облегченно рассмеялась.

– Господи, Света! Твои одноклассники, даже если увидят тебя со шваброй, не обратят на это никакого внимания!

На лице Светки ясно отразилось все, что она думает об этом утверждении. На нее – и не обратят внимания?

– Ну, хорошо, – поправилась завуч, – даже если и обратят. Они забудут об этом через пять минут!

Губы Светы Рогозиной искривились в усмешке. Это была очень взрослая усмешка, и сорокапятилетняя Инна Голишкина вдруг подумала, что она перестала понимать молодых девушек. Рогозина смотрела на нее с чувством глубочайшего превосходства, от которого Голишкиной стало не по себе.

– Ничего вы не сечете, Инна Аркадьевна, – снисходительно сказала Светка. – Мне не забудут и не простят. Ни друзья, ни враги. Это посредственностям прощают все. А я – далеко не посредственность.

Помолчала, обдумывая что-то, и со вздохом подытожила:

– Таким, как я, приходится нести бремя безупречности.

Вежливо попрощалась, вышла из класса и мягко прикрыла за собой дверь.

– Бремя безупречности, – запоздалым ошарашенным эхом откликнулась Инна Аркадьевна. – Не секу...

Взглянула на очередное сочинение, где Раскольников

опять был продукт, тяжело поднялась и отправилась за тряпкой и шваброй.

## 4

– Она могла вести себя как принцесса, – сказала Маша. – А могла как гопник с ножичком из подворотни. И еще, знаешь, я не раз наблюдала у нее любопытную особенность. В обычном состоянии Светка была ленивой и расслабленной, как кошка. Сто раз хватала двойку на ровном месте, потому что стояла столбом у доски и не давала себе труда хоть чуть-чуть пошевелить извилинами. Но в критической ситуации в ней просыпались и ум, и сообразительность. Обычно-то люди балансируют более-менее в одном состоянии...

– Я, например, по утрам бываю крайне туп, – возразил Бабкин.

– А я во время беременности поглупела так, что сама себя боялась. Ни одного примера из программы четвертого класса не могла решить. Но это другое, Сереж. Рогозина как будто существовала в энергосберегающем режиме. Но как только ей что-то нужно было, подключала все доступные мощности.

– И за кого она вышла замуж вместе со своими мощностями?

Маша потянулась за ноутбуком.

– Я тебе сейчас покажу... – бормотала она, быстро щелкая

мышкой. – Где-то это было... А, вот!

Фотография развернулась во весь экран. Мало изменившаяся Света Рогозина стояла в пышном свадебном платье на фоне каменного замка. Жених, высокий, смуглый и горбоносый, обнимал ее за обнаженные плечи. В петлице белела роза.

– В первый раз она вышла за итальянца, – сказала Маша. – Прекрасно образован, хорош собой, как видишь. Светка целенаправленно учила язык: хотела переехать в Италию. У нее все получилось с первого раза. Когда ее выгнали из института...

– Постой! – перебил Бабкин. – Как выгнали?

– А она не желала учиться. Папины деньги и связи дотащили ее до второго курса, но на этом все закончилось. К тому же мне смутно помнится, что у старшего Рогозина в это самое время случились какие-то проблемы... То ли его уволили, то ли завели уголовное дело... В общем, Светке пришлось крутиться самой, и результат был блестящий. Сразу после ухода из института она отправилась в Милан и там встретила вот этого красавца. – Маша кивнула на экран. – Наследник одного старинного рода, богатый, пылкий и безумно влюбленный. К тому же спортсмен и экстремал: участвовал в гонках, забирался на скалы, диких зверей фотографировал... Она показывала снимки, которые они вместе делали в саванне. Скалящийся в камеру лев был очень эффектен!

– И с этим сокровищем она развелась? – удивился Бабкин.

– Представь себе.

– Неужели оказался геем, подлец?

– Ну, они прожили вместе пять или шесть лет в его замке, он завоевывал разные спортивные призы и посвящал ей. А потом решили на год осесть во Франции. И там на художественной выставке она встретила дипломата. Старше ее лет на двадцать, флегматичен, образован, умен! Вся его медлительность испарилась, когда он увидел нашу Рогозину. Светка бросила своего спортсмена, дипломат бросил жену-француженку с тремя детьми, и они обвенчались. Много путешествовали. Там, где им нравилось, скупали недвижимость, так что сейчас она владелица приличного состояния, я полагаю.

– Я тоже хочу скупать недвижимость там, где мне нравится, – помрачнев, вставил Бабкин.

– Например, в Воронежской области?

Они посмотрели друг на друга и засмеялись.

– Такси не пропустим? – встрепелась Маша.

– Сорок минут еще, не дергайся. Слушай, а детей нет у этой дамочки?

– Был ребенок, кажется, мальчик. Прожил всего несколько месяцев. Светка писала об этом в блоге очень скупно, а потом вообще все стерла, даже подробности его рождения. Что с ним случилось, я точно не знаю, но после этой трагедии она на год ушла в монастырь.



У Бабкина вытянулось лицо.

– В монастырь?!

– Бенедиктинский, – уточнила Маша. – Когда Рогозина успела поменять конфессию, понятия не имею. Я вообще не думала о том, что у нее может быть какая-то вера, кроме веры в себя. Но очутилась она именно у бенедиктинок.

– Звучит как в сказке...

– Выглядит так же, – заверила она. – Монастырь стоял в долине неподалеку от реки – красивейшее место! Келья аскетичная, даже с зарешеченным окном, как мне помнится. Светка выкладывала фотографии.

Сергей покачал головой:

– Не верю! Вот эта женщина, подыскивающая себе богатого мужа, – и ушла в монастырь?

– Она потеряла ребенка, Сереж. Бог знает, что ей передумалось и перечувствовалось после этого.

– Ну, хорошо, из монастыря она в итоге вернулась к мужу...

– Он год преданно ждал ее. Больше детей у них не было, но Светка занялась благотворительностью, ездила в Африку, и там однажды шаман какого-то племени в благодарность за помощь стал учить ее рисовать.

– Шаман, – с плохо скрытым сарказмом повторил Бабкин. – Рисовать. Чем – бычьей кровью?

Маша с трудом выбралась из кресла-скорлупы и протянула ему ноутбук:

– На, глянь.

Сергей присвистнул.

Картина, открытая на экране, была написана в технике примитивизма. Плоская черная ветка. Плоский желто-красный тигр с глазами как арбузные семечки. Рваная трава внизу.

Бабкин ничего не понимал в живописи. Он только чувствовал, что ему не нравится эта вещь. Однако взгляд от нее отвести было трудно.

– Что, проглотил свой скептицизм? – усмехнулась Маша. – У нее все картины такие. Есть слоны. Есть голые женщины в листьях...

– Где голые женщины? – оживился Бабкин.

Маша вывела на экран другую картину. Некоторое время Сергей молча созерцал, затем поднял на жену нехороший взгляд.

– Никто не обещал, что женщина будет живая, – невинно заметила Маша. – Но есть полотно «Распутная». Там никаких трупов, честное слово.

– Н-ну, покажи, – не совсем уверенно согласился Сергей.

Пышногрудая «Распутная» возлежала в лодке, раздвинув ноги. Вокруг теснились юноши в алых набедренных повязках. Вода была как мазут, черна и густа. Даже сквозь экран хотелось макнуть в нее палец.

Бабкин захлопнул крышку ноутбука.

– Признаю, был неправ. Она действительно умеет рисо-

вать. Хотя это все равно больше похоже на каляки-маляки.

– Тут вы с Рогозиной совпадаете во взглядах. Она была недовольна картинами и быстро закрыла общий доступ к своей галерее.

– Почему тогда мы их видим?

– Потому что я успела сохранить рисунки. Меня они настолько впечатлили при первом взгляде, что я создала для них специальную папку.

Маша взглянула на часы.

– В общем, я к чему тебе все это рассказала... К тому, что Света Рогозина – не просто тупая самодовольная негодяйка. В ней что-то было такое, что трудно передать словами. Как будто ты никогда не знаешь, кто из нее выпрыгнет. Не девочка – тихий омут, нет. Скорее, девочка-джунгли, при этом с ангельской внешностью. Мне еще в восьмом классе было понятно, что от нее можно ожидать самых разных сюрпризов. Как видишь, я оказалась права.

Она выглянула из окна, проверить, не подъехало ли такси раньше времени. Ей почему-то всегда было неловко, если приходилось заставлять водителя ждать.

– Маш, а Маш... – позвал Бабкин.

– М-м?

– Помнишь день, когда ты получила приглашение?

– Конечно.

– А помнишь, что ты мне сказала о Рогозиной?

– Не уверена...

– Ты сказала, что очень давно ничего о ней не слышала.  
Маша густо покраснела.

– Вот так и валяются разведчики на мелочах, – ухмыльнулся Сергей.

Жена из розовой превратилась в морковно-красную.

– Машка, брось! Я все понимаю. У тебя может быть сто и одна причина не сообщать мне о своих связях с бывшей одноклассницей. Тем более с такой.

– Да не было никаких связей! – выпалила наконец Маша и прижала ладони к щекам.

– Откуда тогда подробности биографии?

Маша глубоко вздохнула. Ей было очень стыдно.

– Я за ней подсматривала, – призналась она.

– В каком смысле?

– В прямом. Время от времени заглядывала на сайты, где она зарегистрирована. У нее весьма бурная сетевая жизнь. Она общается с поклонниками во «ВКонтакте», выкладывает фото в «Инстаграмм» и еще ведет свой блог.

– Зачем ей это нужно? – не понял Бабкин. – Вот это все, что ты перечислила?

Маша пожала плечами:

– Официальная версия – что Светка восполняет недостаток русскоязычного общения. Она утверждает, что ей практически не с кем говорить на русском, а терять разговорную речь не хочет.

– А неофициальная?

– Я думаю, что ей нужна аудитория. Понимаешь, Рогозина – она прима. «Светить всегда, светить везде!» У нее обязательно должны быть зрители, восхищенные, рукоплещущие.

– Так ей бы не замуж, а на театральную сцену!

– В театре она бы всех отравила и красиво позировала газетчикам с банкой мышьяка в руках, – отмахнулась Маша. – Никаких конкурентов! Звезда – только она. У Светки всегда была способность черпать счастье из чужой зависти. Обычно люди боятся, когда им завидуют. А она этим наслаждалась. Я иногда думаю, что если бы ей предложили выбор: счастливая жизнь в забвении или несчастная, но у всех на виду и с иллюзией благополучия, она без колебаний выбрала бы второе.

– И с этим человеком ты едешь встречаться!

– И за этим человеком я подглядывала на протяжении последних лет, – в тон ему ответила Маша. – Причем мне было ужасно неловко, но я ничего не могла с собой поделать. Прямо-таки извращенное удовольствие получала, наблюдая в замочную скважину за ее жизнью.

– Это не замочная скважина, – возразил Сергей. – Это широко распахнутая дверь с пригласительной табличкой. Зато теперь до меня дошло, зачем она вас собирает.

– Зачем?

– Показать перед живой публикой. С мужем она развелась: минус один постоянный зритель. А вы – самая благо-

дарная аудитория!

– Благодарная? – усмехнулась Маша и отвернулась к окну.

Бабкин поднялся, подошел к жене. Встал за ее спиной.

– Ты ведь ее боялась, – мягко сказал он.

– Боялась, – согласилась Маша после паузы. – Я ее и сейчас боюсь.

– И все равно поедешь?

– Именно поэтому и поеду. Я взрослая женщина, Сережа!

Мне тридцать пять лет. Я хочу посмотреть на нее и навсегда перестать бояться. Это может выглядеть глупо, по-детски, но мне все равно. Это мои чувства, и я не могу их спрятать в коробочку и закрыть на ключик. Точнее, как раз могу, – поправилась она. – Но я больше не собираюсь этого делать! Достала меня эта коробочка в моих собственных внутренних!

Маша снова покраснелась, но теперь причиной был гнев.

– Если бы я могла переписать прошлое, я бы это сделала и успокоилась. Светка Рогозина – прирожденный манипулятор! Ух, как она обожала тыкать иголкой в уязвимые места. Четыре года утренней тоски перед походом в школу! Праздник всякий раз, когда она заболела! Тьфу! А эти смешки в спину с шуточками! Когда вызывают на алгебре – а ты хорошо выглядишь, и Лёшка Демьянов смотрит на тебя со значением, – вдруг сзади доносится издевательское: «Куклачев в штаны наложил!» И Демьянов сразу делает вид, что перед ним вообще никого нет, пустое место! Или вон Сашку Стри-

женову до истерики доводили каждый раз, когда ее учителя на уроке вызывали: «Доска, иди к доске!»

– Почему доска? – тихо спросил Сергей.

– Потому что грудь была маленькая! И у меня тоже! Сова с Кувалдой дразнили меня плоскодонкой. И пальцами тыкали на физре в мой лифчик, который просвечивал из-под майки. И ржали: «Елина, давай мы тебе поролону туда напихаем!» Я каждый раз в раздевалке боялась, что они меня скрутят и исполнят обещанное – с Кувалды стало бы! Да что там – я от театра Куклачева шарахалась лет до двадцати!

Бабкин против воли рассмеялся, и Маша тоже улыбнулась. Почему-то именно в этот момент у него мелькнуло смутное ощущение, будто жена что-то недоговаривает.

Но он слишком сильно жалел ее, чтобы прислушаться.

Сергей обнял ее, уткнулся в волосы.

– Ты чего мне в башку сопишь? – глуховато спросила Маша из-под его руки.

– Да так. Размышляю.

– О чем?

– О том, как хорошо, что я не учился с тобой в одной школе.

– А то бы что?

– А то бы я кое-кого придушил. Маленечко так. Не до смерти.

Маша рассмеялась:

– Рогозину-то? Да ты был бы в нее влюблен по уши,

как все мальчишки!

Бабкин отстранился и сурово взглянул на нее сверху вниз:  
– При чем тут Rogozina? Я бы придушил этого твоего Лешку Демьянова. Со значением он на нее смотрел, видите ли. Стервец!

## Глава 3

### 1

Я наблюдаю за ними из окна на втором этаже, прячась за шторой. Они прибывают с большими интервалами, но я не схожу с места, словно боюсь что-то упустить.

Первое впечатление, вот что!

Бывшие мои одноклассницы выбирают из машин, одергивают юбки и оглядываются. Одна сама подхватывает свой чемодан, смущаясь таксиста. Другая ждет, чтобы это сделали за нее. У третьей всего лишь небольшой рюкзак – она приехала налегке и уверена, что скоро пошлет нас к черту.

Многое можно сказать о человеке по тому, как он ведет себя на новом месте.

Я, например, первым делом смотрюсь в зеркало.

Не могу сказать, что мне по душе мое отражение. Волосы кажутся тусклыми: уже не сияющее золото, а паутина, кое-



где с сединой. Глаза – что ж, глаза зелены. Но на белке правого краснеет лопнувший сосудик. Он может испортить весь эффект. А мне необходимо быть безупречной, чтобы ошеломить их.

«Света Рогозина уже много лет не выкладывает своих фотографий в интернете, – думают они. – На всех ее снимках – другие люди или пейзажи. Почему она не показывает себя? Чего стесняется?»

Спорим, так они и рассуждают. «Если бы Рогозина по-прежнему оставалась красоткой, она не преминула бы похвастаться! Может, у нее изуродовано лицо? Может, вымахал горб величиной с Джомолунгму?»

Знаю я эту вкрадчивую осторожную надежду, девочки. Ха-ха! Ждете, что явится обыкновенная тетка? Что вы сможете пересчитать годовые кольца на ее шее, как на спиленном стволе?

Не дождетесь.

Я, конечно, преподнесу вам сюрприз. Но такой, какого вы точно не ожидаете.

О, кто-то еще приехал! Я приникаю лицом к стеклу так близко, что оно запотеваает от моего дыхания.

Сначала из такси показывается клетчатая сумка на колесах. В нашем классе был только один человек, который отказался бы поставить такую здоровенную сумищу в багажник и всю дорогу ехал бы с ней в обнимку.

Следом за сумкой из приоткрытой двери выбирается нога.

Наштупывает на асфальте самое сухое место и прочно удерживает себя на нем. Вот теперь можно выходить и целиком...

Бинго! Я угадала!

Маленькая толстощекая женщина без возраста, с круглыми глазами навывкате, стоит возле желтого такси и подозрительно озирается. Знаете, почему она не разрешает убирать свою сумку в багажник? Боится, что водитель остановится на заправке и вытащит ее бесценные шмотки, пока она дремлет. А хотите знать, как эта светлая идея пришла ей в голову? Очень просто: ее собственный муж промышлял этим незамысловатым способом, когда работал таксистом. Вещи потом супруга продавала на работе доверчивым коллегам.

Человек, патологически боящийся, что его обворуют, сам нечист на руку. Что ж, вполне ожидаемо.

Водитель такси называет ей сумму через приоткрытое окно, и начинается цирк.

О, эти скандальные вопли! О, всем знакомые манеры базарной бабы, которую справедливо обвинили в обвесе!

«Счетчик накручиваешь!.. Ворье!» – доносится до меня.

Что-что, а голос у Анжелы Лосиной всегда был мощный.

Она орет на оторопевшего таксиста, а я наслаждаюсь, глядя на них. Приятно осознавать, что есть в этом мире неизменные вещи.

Анжелку в классе дразнили Лосем, жестоко оскорбляя тем самым рогатое млекопитающее. Лось – лесная корова, полезная и интеллигентная. С каким животным можно срав-

нить Анжелу Лосину, я даже и не знаю. Машка Елина однажды назвала ее лосиной мухой и, пожалуй, со своей ассоциацией попала в точку.

Цепкая, противная и сосет кровь.

На неискушенного человека Ангела поначалу может произвести приятное впечатление. У нее милая улыбка, ровные зубки и припухшие глазки. Покатые плечики, короткие ручки. Этакая морская свинка в обличье простоватой женщины.

Вас никогда не кусали морские свинки?

Мораль и нравственность для нашей Анжелки – умозрительные понятия. Она уверена, что их выдумали люди, считающие себя умными, для того, чтобы обманывать ей подобных. И Лосина действует на опережение!

«Без лоха и жизнь плоха» – вот девиз этой славной дамы. Когда я в последний раз интересовалась ее судьбой, она держала питомник: разводила малюток той-терьеров, крошечных изящных собачек с раскидистыми ушами. Люди готовы платить за них неплохие деньги, как за все маленькое и изящное. Ангела сразу сообразила, в чем здесь выгода, и принялась за дело со свойственной ей хваткой.

Ее несчастная истерзанная сука приносила один помет за другим. С первой серьезной прибыли Ангела купила еще двоих производительниц, и бедные псины присоединились к конвейеру.

Щенки рождались чахлые, слабые. Ангела фотографировала их в умилительных ракурсах и быстренько распахива-

ла по покупателям. У тех они вскоре заболевали и дохли: не привитые от болезней (зачем тратить!), несшие в себе целый букет генетических отклонений. Люди пытались возмущаться, но проще перекричать взбесившегося осла, чем переспорить Анжелу. «Вы убили мою детку! – визжала Лось (всех собак она называла своими детьми). – Вы ее простудили! Как у вас совести хватает смотреть мне в глаза!»

Думаю, она получала бездну удовольствия от каждого такого концерта. Их было немало, но на один ругательный отзыв о ее питомнике Анжела строчила дюжину хвалебных, подписываясь разными именами. К тому же она никогда не скупилась на рекламу.

К концу первого года дело было поставлено на поток. Щенки росли в вонючих вольерах, не приученные ни к человеческим рукам, ни к выгулу. Анжела приводила их в порядок лишь перед тем, как показать покупателю. «Собаки – это моя жизнь! – говорила она дрожащим голосом, смагивала слезу и целовала песика в выпуклый лобик. – Берегите моего мальчика!»

Конец ее бизнесу наступил неожиданно.

Она продала очередного дохляка десятилетней девочке. Покупку оплачивал отец. Мужчина был немногословен и хмур, но без малейших возражений выложил круглую сумму за того щенка, которого выбрала дочь. Анжела еще накинула сверху десять тысяч – сообразила, что папаша теперь никуда не денется.

Откуда же она могла знать, что девчушка серьезно больна?

Если бы щенка покупали здоровому ребенку, отец отнесся бы к смерти ее питомца легче. Но когда той-терьер отправился вслед за своими многочисленными братьями к собачьим праотцам, мужчина не стал ни подавать в суд, ни требовать деньги обратно. Собранной в интернете информации ему хватило, чтобы понять, с кем он имеет дело.

Вместо этого отец девочки дождался, когда Ангела выведет на прогулку своих племенных сук, и перестрелял их одну за другой.

Нет, Ангелу не тронул. Только собак.

Полагаю, настрадавшиеся собачонки встретили смерть с благодарностью. А вот Лосина пережила несколько жутких секунд, пока перед ней стоял человек с пистолетом.

На этом ее питомнику пришел конец. На отца девочки завели дело, но с Анжелы было достаточно: она так перепугалась, что оптом продала торговцу с птичьего рынка оставшихся щенков и завязала с собачьим бизнесом.

Вот Лось идет к дверям, мило улыбаясь.

Голову дам на отсечение: она и не вспоминает, что случилось в одиннадцатом классе.

## 2

Когда такси отъехало от дома, Маша достала из сумки об-

щую фотографию. Одиннадцатый «А» в полном составе.

Итак, кого предстоит увидеть в отеле?

Само собой, Рогозину.

Но кроме нее, еще восемь человек обещали прибыть в «Тихую заводь». Об этом Маша узнала от самой Светы, спросив ее во встречном письме, кто именно прислал подтверждение. «Восемь наших девочек, включая тебя», – написала Рогозина. «Наших девочек» – как мило!

Маша попробовала договориться с самой собой. Не злиться, только не злиться! Если не считать древних воспоминаний, для этого нет повода. Может, Рогозина изменилась в своей Франции и отныне только и делает, что спасает бродячих кошек и лечит бездомных.

Но другая Маша, до сих пор страдавшая по пушистому свитеру, которого у нее не было в отрочестве, не желала понимать, какое это имеет к ней отношение: ведь не ее Рогозина спасает и лечит. Идея прощения всех, включая врагов, была Маше глубоко чужда. То, что Света сделала когда-то, – разве не основание для ненависти?

Маша вспомнила, что ничего не сказала об этом мужу, и нервно захрустела пальцами. Она попыталась убедить себя, что знать Сергею о том давнем случае совершенно не обязательно, да и не стоит вешать на него свои детские обиды и переживания... Но в глубине души прекрасно понимала, что та история вышла далеко за рамки детских обид.

Что правда, то правда. Одно небольшое хирургическое

вмешательство – и Машина судьба изменилась. Не очень сильно, но весьма ощутимо.

Маша усилием воли закрыла дверь в комнату с этими воспоминаниями. В конце концов, на встрече будет не одна лишь Светка.

Во-первых, придет Тетя-Мотя, по паспорту – Матильда Губанова. Красивое имя досталось ей в честь немецкой бабушки, но никто из одноклассников Мотю так не звал. Оно подходило для изящной фарфоровой куклы, умеющей звонко говорить «мммма-ммма!», но только не для толстой, постоянно что-то жующей девочки.

Мотя была безобидной, доброй и медлительной. Учителя лепили ей тройки и двойки, не дожидаясь, пока она закончит мямлить у доски. Но если у Моти было достаточно времени и ее никто не дергал, она неожиданно для всех показывала неплохие результаты.

Вот только старшая школа вовсе не была заточена под то, чтобы обеспечивать кому-то, выбивающемуся из общей массы, индивидуальный благоприятный режим. Мотя доползла до выпускного класса, как Сизиф на гору, толкая перед собой непосильный булыжник образования, и облегченно брякнулась вниз. «Кулинарный техникум! – издевались в классе. – Губанова – королева рубца и холодца!»

Как сложилась Мотина судьба, Маша не знала. Слышала только, что с первым мужем Матильда развелась.

Ей представилась заглубелая могучая тетка с пятью под-

бородками и складчатой шеей. Мотя была последним человеком, который сел бы на диету. А если бы и сел, то раздавил.

Палец Маши скользил по фотографии. Первый ряд, вторая слева: Белла Шверник, она же Белка, она же Циркуль. Черные кудри, жгучие очи и длиннющие худые ноги, за которые Шверник и получила второе прозвище. Еще за то, что гибкость в ней выражалась отрицательными величинами: Белка ходила так, словно проглотила шест, ноги ставила, как цапля, а если требовалось бежать, передвигалась скачками кузнечика.

На ее лице совершенно невозможно было выделить одну главную черту. Длинный нос («румпель!» – хохотала Светка Рогозина) громко требовал внимания к себе. Но над ним призывно блестели огромные миндалевидные глаза безбрежной ночной черноты. Затем взгляд притягивал великолепный крупный рот. Из-за этого Маша никогда не могла понять, красива Белка или нет. Начнешь рассматривать по отдельности нос или губы – хочется их немедленно зарисовать. А соберешь вместе – и не лицо получается, а куча металлолома.

Говорить спокойно Белка не умела в принципе. В ее изложении даже решение алгебраического уравнения выглядело как единство и борьба противоположностей. Учительница русского и литературы стала бояться Шверник после того, как та разрыдалась над судьбой Сонечки Мармеладовой



и успокоить ее удалось только с помощью медсестры.

Маша Белку выносила с трудом. Не в том смысле, что не любила, – просто в ее присутствии казалось, что воздух перенасыщен кислородом. Эмоции искрились и обжигали окружающих. К тому же на Белку временами что-то находило, и она принималась вдохновенно нести ослепительную чушь. Маше навсегда запомнилось, как Шверник вступила в спор с химичкой, доказывая той, что можно словесным воздействием изменить температуру воды.

– Боюсь, Беллочка, – сказала старенькая Валентина Андреевна, – на это не хватит даже твоих удивительных способностей.

Белка настаивала. С пылом рассказывала о последних опытах в Тибете. О биоэнергетической матрице. О знахарстве и вербальных стрелах, посылаемых воде человеком.

Валентина Андреевна была миролюбивая старушка в буклях, но она плохо переносила деятельное невежество. Поставив перед Беллой стакан с водой из-под крана, она сунула в него градусник и попросила делом доказать Белкину гипотезу.

Шверник набрала побольше воздуха. Шверник открыла рот. Шверник обратилась к воде как к могущественному источнику жизни.

– Грейся! – требовала Белла, делая над стаканчиком пассы.

– Дай мне тепло! – умоляла она.

– Я изменю твою кристаллическую решетку! – угрожала Шверник.

Вода насмешливо покачивалась в стаканчике. Градусник невозмутимо показывал двадцать два градуса.

Через сорок минут Белка выдохлась. Не доверяя термометру, она макнула палец в воду и зарыдала от осознания своего фиаско.

– Голубушка, что ж поделать, – утешала ее химичка. – Это законы природы.

– Я тоже природа! – утирала слезы Белла. – Почему я не могу влиять даже на какую-то дурацкую аш-два-о?!

Валентина Андреевна сочувственно улыбнулась и заметила, что пока это получилось только у одного человека.

– И я хочу быть таким человеком, – выла Белла, у которой рушилась вера в магическую силу слова.

– Боюсь, моя девочка, тебе бы это не понравилось. Из доступных нам свидетельств почти неоспоримо следует, что к его умению прилагалась весьма неприятная процедура.

– Какая? – всхлипнула Белка.

– Распятие на кресте, – кротко сказала Валентина Андреевна.

Водитель время от времени поглядывал в зеркало заднего вида на сосредоточенную женщину, сдвинувшую тонкие рыжие брови. Пассажирка рассматривала большую фотографию, водила по ней пальцем и иногда шевелила губами.

Саша Стриженова, она же Стриж или – куда чаще – Доска. Худенькая невзрачная девочка, о которой и сказать-то толком нечего. Маша проучилась с ней четыре года, но знала о Стриже только две вещи: Саша умеет рисовать иероглифы тушью и шевелить ушами. Маша даже не могла сказать, что поражает ее больше.

Первая способность Стрижа выяснилась на уроке истории, а о второй она узнала случайно, забежав посреди урока по ошибке в неработающий туалет. Стриж стояла у окна, обхватив себя руками, и вся была поглощена шевелением. Уши ее двигались с такой амплитудой, словно Доска собиралась улететь в майское небо, послав школу ко всем чертям. Маша даже допускала, что когда-нибудь ей это удастся.

Анжела Лосина. Вот уж кто без колебаний принял приглашение – в этом сомневаться не приходилось. «Халя-а-ва, сладкая халява!» – любила петь Анжела на мотив «горной лаванды». Если бы Лосину пригласили пожить бесплатно недельку в аду, она бы рванула туда, не задумываясь. Даже объяснение бы привела – мол, там полезные горячие термальные источники. В действительности философия Анжелы была проще: «Дают – надо брать».

Правда, у этого кредо имелось и продолжение: «Не дают – все равно надо брать», но об этом Лось старалась не распространяться.

Анна Липецкая. Иначе как Аномалией никто ее не звал. Даже у учителей иногда срывалось: «Аномалия, к доске!»

Вот она, в дальнем углу на снимке, неприязненно смотрит куда-то в сторону. Классная едва уговорила ее сфотографироваться. Каких-то пятнадцать лет спустя Липецкую назвали бы готом, но тогда в Машиной школе никто не знал таких слов, и поэтому она была просто Шизой.

Тощая, костлявая, как недокормленная галка, с черными сальными волосами, Аномалия была единственным человеком, которого Рогозина никогда не трогала. Во всяком случае, не трогала всерьез. Потому что иногда на Аномалию, по ее собственному выражению, «нападали психи». Это означало не атаку шизофреников, а вспышки неконтролируемого бешенства. Аномалия визжала так, что уши закладывало, щелкала зубами, как волк, могла ударить стулом. В таком состоянии с нее стало бы убить обидчика, и Светка с ее развитым чутьем это хорошо понимала.

Кое-кто из учителей говорил про Аньку – оторва.

В десятом классе Липецкая проколола себе уши и нос, в одиннадцатом набила татуировку на предплечье. Оба раза был скандал. Но выгнать ее не имели права, а Анька в ответ на все обвинения молчала и ухмылялась черно-синими губами, так что от нее в конце концов отвязались. Она плевала на всех, сквернословила как сапожник, слушала тяжелый рок, красила волосы в дикие цвета и не имела ни одного

друга. Вокруг нее всегда витал странный сладковатый аромат, напоминающий душный запах тления, и Маша ничуть не удивилась, когда однажды в раздевалке Аномалия вытащила из кармана дохлую ворону.

Она не удивилась бы даже в том случае, если бы Липецкая решила эту ворону съесть.

На уроках Аномалия непрерывно щелкала пальцами. Смыкала ладонь вокруг одного – и резко дергала. На весь класс раздавался хруст сустава.

– Липецкая! – нервно вскрикивал учитель.

Аномалия криво ухмылялась и на некоторое время переключалась на рисование в тетради.

Однажды Маша подглядела, что она рисует. Безглазые лица. Птиц с головами младенцев. Огромную хохочущую рыбу, выдергивающую крючок из пойманного человека.

Училась Аномалия при этом хорошо. Одно время подозревали, что за нее кто-то делает домашние задания, но блестяще написанные контрольные не оставили от этой идеи камня на камне. На вручении аттестатов выяснилось, что в классе три отличницы: умница и светлая голова Юля Зинчук, сама Маша и – ко всеобщему изумлению Анна Липецкая.

Глядя в окно машины на грязный апрельский пейзаж, Маша вспомнила, как однажды возвращалась домой из школы в такой же весенний день. Ее задержали после уроков, и она решила сократить путь через гаражный кооператив.

В самом кооперативе обитали четыре злобных метиса кавказской овчарки, страшные, как уголовники. Маша подозревала, что по ночам эти громадные раскосые псы понемногу перегрызают веревки и делают подкоп.

Если кто-то проходил мимо, псы поднимали такой лай, что потом долго звенело в ушах. Дьявольских этих отродий держали сторожа. Всякого, кто делал замечание по поводу их питомцев, ожидал душ из собачьего гавканья и человеческой брани.

Маша страшно боялась, что жуткие твари могут сорваться с привязи. И выбирала дорогу в обход, по краю гаражей: получалось чуть дольше, зато не приходилось сталкиваться с лающими зверюгами.

Она шла одна по узкой дорожке, болтая пакетом со сменкой, и размышляла о какой-то ерунде, когда навстречу ей из щели между гаражами выбрался человек с блуждающей улыбочкой на добром лице. Человек встал перед Машей, улыбнулся еще шире – и распахнул пальто.

К своим почти семнадцати годам Маша не только не сталкивалась с такими людьми, но даже не слышала о них. Остолбенев, она смотрела на то, что раньше скрывали драповые полы. В голове мелькнула неуместная мысль, что у него должны мерзнуть ноги, ведь холодно же, снег вокруг...

А затем человек открыл рот и кое-что произнес.

Маше доводилось слышать непристойности от мальчишек в школе. Но это была не просто непристойность. Она поблед-

нела от страха и отвращения и сделала попытку отступить.

– Давай же, – ласково сказал человек и кивнул на то, что росло у него между ног. – Попробуй. Тебе понравится!

Маша замотала головой.

Лицо его словно бы потекло, размягчилось. Человек сделал странный, неестественный жест рукой. Как будто кто-то, сидевший у него внутри, приноравливался к внешнему телу.

Широко раскрыв глаза, Маша смотрела на происходящую с ним метаморфозу, не в силах ни закричать, ни убежать. Из кармана его пальто торчала длинная деревянная линейка с испачканным чернилами уголком, и эта обыденная деталь отчего-то превращала происходящее в абсурд, невысказанный бред, страшный, как сон, от которого не можешь очнуться.

– Хороши в моем саду цветочки, – напевно проговорил человек.

Зрачки его расширились. Глаз залила чернота.

В этот миг Маша осознала, что она отсюда не выберется. Кошмар не закончится, ее не разбудят. В горле осталось только глухое сипение вместо крика. Сделав над собой отчаянное усилие, она шагнула назад, споткнулась – и упала. Сменка отлетела в сторону.

– Девочка моя, умничка, – быстрым свистящим шепотом сказал человек и двинулся к ней.

А в следующий миг Маша увидела на крышах кооператива две фигуры.

Аномалия бежала, перепрыгивая через расщелины между

гаражами, дико скаля зубы. А рядом с ней мчался...

На миг Маша забыла даже про человека в пальто. На лице ее отразилось такое изумление, что мужчина обернулся.

Рядом с тощей девчонкой с развевающимися черными волосами мчался огромный грязный пес, метис кавказской овчарки. И зубы его были так же оскалены, как у Аномалии.

Бамц! Бамц! Бамц! – отзывались крыши.

– Фас! Возьми! – дико заорала Липецкая, гроыхая по старому железу.

Человек попятился и кинулся прочь. Не задержавшись ни на секунду возле края крыши, пес сиганул вниз и угодил на кучу рыхлого снега. Спрыгнув с нее, он пробежал мимо лежащей на тропинке Маши – ее обдало брызгами грязи – и бросился следом за убегающим.

Анна спрыгнула точно так же. Оба они, девочка и пес, явно проделывали это не в первый раз. И так же, как собака, рванула за беглецом.

Маше показалось, что прошло не больше пяти секунд. Все трое едва успели свернуть за поворот, как оттуда донеслись лай и дикие крики.

– А-а-а-а! – вопил мужчина на одной ноте.

Что-то бешено визжала Аномалия, и, заглушая людей, надрывался пес.

Когда Маша добежала до места событий, все было кончено. Аномалия сидела на мокром снегу, потирая окровавленный кулак. Мужчина исчез. А возле Анны развалился в гря-



зи метис кавказской овчарки, грызя какой-то лоскут.

Присмотревшись, Маша поняла, что когда-то он составлял одно целое с мужским пальто.

Липецкая подняла на нее глаза и слизнула кровь с костяшек.

– Ты сменку посеяла, – хрипло сообщила она. – И портфель, походу, тоже.

Маша стояла над ними, в трех шагах от собаки.

– Познакомься, кстати, – сказала Аномалия, кивнув на зверюгу. – Это Гнида. Гнида, это дура.

– Почему дура? – машинально спросила Маша.

– Потому что приперлась к гаражам. Кой бес тебя сюда понес? О, стихи! Фигасе! Елина, я поэт! «Кой бес тебя сюда понес, кой бес тебя сюда понес», – пропела Аномалия. – Этот козел уже месяц здесь маячит, ты не в курсах, что ли?

Маша молча помотала головой.

– Вот поэтому и дура, – пробормотала та.

Обе замолчали.

Зверь оставил в покое вырванный из пальто клочок, задрал ногу и стал вылизываться. На внутренней стороне бедра у него торчали колтуны, похожие на скомканные одуванчики. Гнида оскалил верхнюю губу, вцепился в один и с тихим рычанием начал выгрызать из шерсти.

Он был таким убедительным, таким неоспоримо живым, что остатки кошмара рассеялись бесследно. Как будто в мире, где существовали собаки, умеющие бегать по крышам,

не могло быть девочек, онемевших от страха перед взрослым ублюдком. «Что со мной было? – подумала Маша. – Почему я вела себя как покорная овца?»

Неподалеку от них приземлился голубь, покосился грустным глазом на пса и снова улетел.

– Надо в милицию пойти, – неуверенно предложила Маша, провожая его взглядом.

– Иди, – разрешила Липецкая.

– А ты?

– Чтобы Гниду усыпили? Я, может, чокнутая, но не идиотка.

– За что его усыплять? – изумилась Маша. – Он меня спас!

– Он человека покусал, кретинка, – объяснила Аномалия. – И без того все жильцы вокруг жалуются на местных собак. Сначала усыпят, потом разбираться будут. Герой? Ну на тебе орден посмертно. И что я с этим орденом делать буду, задницу им закупоривать?

Маша подумала еще и села рядом с ней. Все равно куртка грязная...

С одной стороны, Аномалия была безусловно права. Но Маше в голову пришел еще один аргумент.

– А если этот... этот человек... если он снова нападет? Не на меня. На кого-нибудь другого.

Они только прогнали его. Да, сильно напугали, даже причинили вред. Но он придет в себя и вернется. В этом у Маши не было никаких сомнений. Она видела его улыбочивые гла-

за, слышала его шепоток и твердо знала: то, что сидит в этом человеке, сильнее голоса страха. Оно выгонит его снова в закоулки, где редко ходят взрослые, но часто бегают дети.

Аномалия зачерпнула горсть грязного снега и запихала в рот. Прожевала – и обвела рукой окрестности:

– Угощайся!

Маша подняла на нее взгляд.

– Ты знаешь, кто он.

– Чего?!

– Ты видела его раньше, – настаивала Маша. – Ты сказала, он уже месяц здесь ошивается. Ты знаешь о нем больше, чем показываешь.

Девочка молча облизала пальцы от снега, словно не слыша.

– Аня, пожалуйста...

– Не называй меня так! – резко оборвала Липецкая. – Хочешь проявить благодарность – просто свали отсюда на хрен!

Маша встала. Неловко потопталась возле Анны, но, когда пес уставился на нее недобрыми раскосыми глазками, решила, что ей и в самом деле пора.

– Спасибо тебе. Спасибо большое. Я его... Я его очень испугалась. Я не смогла бы ничего сделать.

Кажется, ее благодарственная речь только раздражала спасительницу. Маша еще раз повторила «спасибо», развернулась и пошла к брошенным вещам.

– Он больше этого не сделает ни с кем, – проговорили ей

вслед. – Можешь не трусить.

Маша быстро обернулась. Аномалия сидела как ни в чем не бывало и выдергивала суставы пальцев один за другим.

– Что ты сказала?

– Я?

Липецкая презрительно вздернула верхнюю губу. Глядя на нее, пес сделал то же самое.

– Глюк словила от шока, Елина? Домой шлепай. Девочка-припевочка.

Маша постояла, разглядывая ее и что-то соображая. И, больше ни о чем не спрашивая, ушла.

...Аномалия с тех пор не попадалась ей на глаза после школы, как и ее лохматый приятель. Движимая каким-то смутным чувством, Маша никому не рассказала о том, что произошло с ней в начале апреля за гаражами. А потом этот случай странным образом растворился в ее памяти, вернувшись в область мутных снов и тягостных кошмаров. Нужно было нырнуть глубоко-глубоко, чтобы вытащить его на поверхность, но как раз той весной у Маши началась бурная личная жизнь, и она не хотела никуда нырять. Талый снег смыл всю грязь – и воспоминания о случившемся.

В мае снова разразился скандал с участием Липецкой. Она явилась в школу с татуировкой на шее под правым ухом, и разъяренный отец предпринял целое расследование, пытаясь узнать, кто проделал это с его несовершеннолетней дочерью.

Выяснение обстоятельств привело к тому, чего никто не мог ожидать. Одним из сторожей при гаражах оказался всего год как вернувшийся после отсидки Мишаня Чалый, мужик лет сорока пяти, беззубый и лысый, как старик. Обитал он в бытовке, выделенной ему кооперативом. Туда же приводил псов, если ударяли сильные морозы. Там же выбил Аномалии обе ее татуировки. И там же кололся чем попало.

Последнее выяснилось, когда на горестный собачий вой пришел второй сторож и обнаружил Чалого, загнувшегося от передозировки. Всего лишь часом позже до Мишани добрался отец Аномалии, но отомстить бывшему зэку уже не смог. Липецкую три месяца проверяли на все возможные инфекции, однако в этом Мишаня оказался добросовестным: его игла была чиста.

Биография у покойного сторожа выглядела скверной: за ним числились и убийство, и несколько ограблений, и еще болтали шепотом о двух недоказанных висяках, где тоже проглядывал след Чалого. Как Аномалия познакомилась с ним, никто никогда так и не узнал. Как и о тех отношениях, которые связывали ее с бывшим зэком и наркоманом.

Кое-что могла бы рассказать Маша. В середине мая круги от этой истории разошлись по всей школе, а в конце месяца их тихий район встал на уши из-за того, что в овраге за парком, когда полностью сошел снег, обнаружили труп с признаками насильственной смерти. Тело принадлежало Евгению Сутелину, бывшему учителю музыки в Доме культуры,

человеку со всех сторон хорошему и уважаемому. Жил он один, тихой холостяцкой жизнью, и соседи понятия не имели, что учитель пропал.

Перед похоронами Маша зашла в Дом культуры и остановилась перед огромной памятной фотографией в траурной рамке.

– Милая, с тобой все хорошо? – сочувственно спросила гардеробщица. – Может, водички? Евгений Петрович-то, наверное, педагогом твоим был, светлая ему память.

*«Он больше этого не сделает ни с кем. Можешь не трусить».*

– Педагогом, – подтвердила побелевшая до синевы Маша. – Нет, спасибо, все хорошо. Теперь все хорошо.

# Глава 4

## 1

Наконец-то все в сборе! Мои повзрослевшие одноклассницы и я, Светлана Рогозина-Крезье.

Мне нравится новое имя: нечто среднее между Крезом и «крейзи». В нем звучат отзвуки одновременно богатства и помешательства – вполне органичный дуэт.

Я и вправду иногда кажусь себе немного помешанной. А вот мой последний муж слишком рассудителен. Мужчина, лишенный фантазии, скучный, как бетонный забор. Узнай он о том, что я задумала, с него стало бы обратиться к психиатру. «Здоровому человеку не может прийти такое в голову!»

Наш брак был до того нормален, что иногда меня подмывало снять трусы и пройтись колесом – просто чтобы посмотреть на физиономию мужа. Благопристойное супружество! Боже, какой кошмар. Как-то раз, вскоре после свадьбы, я решила немножко разнообразить наши отношения и, заведя супруга в спальню, завязала ему глаза шелковым платком.

И знаете, что сказал мне на это?

«Дорогая! – прогнусавил он. – Но ведь я ничего не вижу».

Надо бы выдать тебе премию имени капитана Очевидность, подумала я тогда. А вслух ответила, что так и задумано.

«Но мне не нравится, когда ничего не видно», – удивленно сообщил он, крутя головой.

«А вот так нравится?» – спросила я, подкрепляя свои слова действием.

Некоторое время он всерьез обдумывал мой вопрос. А потом сказал... Нет, вы в жизни не поверите, что именно!

Супруг тревожно ощупал ткань, закрывавшую ему глаза, и спросил: «Дорогая, ты что, взяла мой Эрмес?»

Его соблазняет красивая молодая жена, а он беспокоится о том, что помнется его дорогуший шейный платок!

Надо было задушить его этой тряпкой. Впрочем, тогда покойный супруг стал бы являться ко мне ночами и горестно выть: «Эрмес! Ты испортила мой Эрмес!»

Но вернусь к своей идее. Не стану спорить: она и впрямь не из очевидных. Милая, this is just crazy, это просто безумие, сказала я себе, когда мысль о «Тихой заводи» первый раз пришла мне в голову.

«Ты совсем с ума сошла. У тебя ничего не получится!»

Но почему не получится?

Я стала выискивать препятствия к осуществлению моего плана – и не обнаружила их. Те, что были, не выглядели непреодолимыми, а преодолимое – это не препятствие вовсе. У меня ушел год на то, чтобы все подготовить.



Целый год.

Всего год!

Я готова была ждать и дольше.

И вот наконец мы в «Тихой заводи»: все, включая ту единственную мою бывшую одноклассницу, которая не получала от меня приглашения. И тем не менее она здесь.

Что она ощутила, увидев меня? Почудился ли мне ужас в ее глазах? Даже если и так, она быстро овладела собой. Замкнутое лицо, плотно сжатые губы. Ни взглядов исподтишка, ни попыток заговорить со мной. Но я не сомневаюсь: после первого шока она пришла в себя и теперь лихорадочно перебирает варианты действий.

Что же ты решишь, моя дорогая?

У меня есть несколько предположений. Самое очевидное – она сбежит, не дожидаясь развязки.

Или попытается уговорить меня молчать.

Подкупить? Ей нечего мне предложить.

Я ненадолго задерживаюсь перед стеклянными дверями обеденной залы. Еще секунда – и они распахнутся. С этого момента игра начнется!

Не знаю, отчего я медлю... Все отлично подготовлено.

Но я стою и думаю, что еще есть возможность сказать «стоп». Вот сейчас, когда почти поднялся занавес, прима может сбежать! Бывшим одноклассницам оставляю записку с извинениями. Выдумаю заболевших родственников или вовсе ничего объяснять не стану. Зачем? Я больше никогда с ними

не встречаюсь.

Но что мешает мне войти? Возможно, голос совести требует, чтобы я оставила свою жертву в покое.

То есть – милосердие?

Нет, нет. Я не настолько добра.

Меня тревожит тот миг, когда все вскроется?

Снова мимо. Я жду его всей душой.

Страх! Вот оно! В стеклянных дверях виднеется мое размытое отражение, и мне отчего-то не по себе. Вот что удерживает меня от того, чтобы выйти на сцену и остановиться в перекрестье чужих взглядов.

В детстве я всегда шла навстречу тому, что меня пугало, будь то ночная тень за шторой или компания хулиганов в переулке. Именно так следует поступить и в этот раз. Тем более что страх мой совершенно иррационален. Для него нет никаких причин.

Не убьет же она меня, в самом деле!

Я смыкаю пальцы на ручке двери и с силой толкаю ее.

## 2

*Четырьмя часами ранее*

Уже на подъезде к отелю колеса зацепили лед в широкой колее, и машину повело так, что Маша от испуга схватилась за спинку переднего сиденья.

– Да что ж такое-то... – сквозь зубы пробормотал води-

тель.

Зима, мысленно ответила ему Маша, всего лишь зима. Это безжалостное время года начиналось для нее в ноябре и заканчивалось – не всегда, но как правило – в марте.

Такси черепашьям ходом доползло до отеля. Маша захлопнула за собой дверцу, глубоко вздохнула – и беззвучно засмеялась.

В начале апреля внезапно появляется воздух, которым можно дышать.

После зимы, забивающей черным снегом нос, горло и голову.

После зимы, острым холодом прокалывающей щеки, раскатывающей издевательский гололед под ногами. После зимы, лишаящей тебя равновесия. И тепла. И жизни.

В небе изредка приоткрываются окна, и оттуда веет синевой. Как будто кто-то большой взял тебя на ладонь, нахолившегося, жалкого, и отогревает теплым голубым дыханием.

Маша проводила взглядом отъезжающее такси. В плотно утрамбованном слое облаков над «Тихой заводью» кто-то наскверлил лунок, и сквозь них виднелось небо, чистое и прозрачное, как озерная вода.

Пахло известкой и мелко порезанным огурцом. Из фонтана выпрыгивал дельфин с отбитым носом, целясь в небо.

Какое спокойное тихое место, подумала Маша, и вдруг заметила фигуру в окне.

Кто-то смотрел на нее со второго этажа. Поняв, что его раскрыли, человек отшатнулся и растворился в глубине комнаты.

...Навстречу Коваль с Савушкиной по узкой дорожке прошел щеголеватый мужчина в пальто, галантно приподнял ветку перед Иркой. Она встретила с ним глазами. «А ничего такой!»

– Люб...

– А?

– Любка!

– М-м?

Подруга шла, уткнувшись в телефон, и не желала замечать ни парка, ни встречных особей мужского пола.

– Видала, какой хлыщ?

– Видала, – равнодушно отозвалась Сова.

– А ты бы с ним того, э? – не отставала Ирка. – Замутила бы, Люб?

Савушкина страдальчески закатила глаза.

– Господи, Коваль! Что за подростковый жаргон! И – нет! Не замутила бы!

Насколько Ирка могла судить по замеченным обрывкам смс, Савушкина вела бурную переписку, жонглируя тремя любовниками и мужем.

– А почему? – огорчилась она. Мужчина ей понравился, и она хотела, чтобы Любка своим одобрением косвенно под-

твердила его высокое качество. – Некрасивый?

Савушкина оторвалась от телефона и обернулась на уходящее пальто.

– Ира, какая разница – красивый, некрасивый! Мне в принципе непонятно, зачем это нужно. Возня эта, пыхтение... Я понимаю, когда есть выгода. А так – для чего?

– Для удовольствия! – с горячей убежденностью возразила Ирка.

– Для удовольствия я лучше на массаж схожу.

Сова еще раз посмотрела вслед мужчине и оценивающе прищурилась:

– Конечно, если ты думаешь, что может быть какая-то польза...

Коваль засмеялась и махнула рукой.

Любка Савушкина рассматривала секс как инвестицию. Она вкладывала себя, существо безусловной ценности, и желала получить заслуженно высокий процент. Смысла отношений, отягощенных постелью, но при этом не приносящих дивидендов, Савушкина не понимала. «Все эти копошения! – надменно говорила Люба. – Люди слишком много болтают о сексе. Да и занимаются тоже», – добавляла она, подумав.

Сама же Ирка была человеком сугубо плотским. Иногда она думала, что из нее получился бы типичный мужик, не признающий обязательств: секс на одну ночь, веселое партнерство людей, которых не связывает ничего, кроме по-

стели, – и слава богу! Зачем обременять такое чистое, совершенное удовольствие какими-то отношениями?

Любка презирала мужчин (женщин тоже, но в меньшей степени). Ирка их обожала. Со своей собственной телесностью она была не в ладах, зато умела ценить ее в других. О, эти выгнутые шеи! Мускулистые руки в синеватых венах! Кожа, пахнувшая песком! Их смешное и в то же время совершенное устройство там, где они так отличны от женщин!

Коваль пропела бы оду мужчинам, если бы умела.

А Любка бы ее жестоко за это высмеяла. При этом она очень дорожила замужеством и делала все, чтобы муж не догадывался о ее связях на стороне.

«Все-таки у Бога извращенное чувство юмора», – думала Ирка, глядя на подругу. Создать женщину настолько желанную – и при этом лишить ее чувственности!

Больше всего восхищало, что муж считал Любку нежной фиалкой на залитом солнцем поле, по которому ежечасно пробегают стада диких носорогов. Савушкина спала с его боссом (из лучших побуждений – для развития карьеры супруга), а он переживал, что жена совершенно не приспособлена к этой жестокой жизни.

Такси отъехало от отеля.

– Кто это там? – спросила Ирка, прищурившись. – Савушкина, ты видишь?

Любка шла, уткнувшись в телефон, и что-то невнятно гугкнула в ответ. Коваль силой развернула подругу и ткнула

пальцем.

На площадке перед зданием, задрав голову, переминалась высокая длинноногая женщина в джинсах и зеленой куртке. Из-под шапки выбивались пышные рыжие волосы.

– Елина! – сморщилась Коваль, не дожидаясь ответа подруги.

– А, Куклачев! Пойдем, поздороваемся, что ли.

Коваль насупилась.

– Ир, засунь свою классовую ненависть куда-нибудь подальше, ага? – нежно попросила Савушкина.

Ирка возмущенно фыркнула, но двинулась за подругой.

Маша пробежала взглядом по окнам. Ее не удивило, что кому-то захотелось ее рассмотреть. Но в том, как быстро этот человек отпрянул, было что-то неестественное. Маша нахмурилась, пытаясь понять, в чем дело. Вот! Это было слишком резко. словно его дернули сзади, обхватив за шею.

Она отсчитала окна от центральной лестницы, решив раз-  
узнать, кто живет в этом номере.

– Какие люди! – проговорили за ее спиной, сильно растягивая слова.

– И без котиков, – дополнили со смешком.

Маша узнала голоса сразу же, и все мысли о человеке в окне вылетели из головы. Японский воин внутри нее вскинул меч, готовясь к обороне.

Спину выпрямить. Подбородок приподнять. Уголки губ

тоже чуть-чуть вздернуты: еще не улыбка, но уже и не задумчивость. Самое время вспомнить кодекс Бусидо, успела подумать Маша. Что-нибудь подходящее к случаю.

Цитаты из книжки вихрем пронесли в ее голове. «Будучи ранен, самурай должен почтительно обратиться со словами прощания к старшим и спокойно испустить дух».

Черт, не то! Никакого испускания духа, это преждевременно!

«Во время сна не следует ложиться ногами к резиденции сюзерена».

На редкость актуальный совет.

«Если человек оказывается в сложном положении, он может справиться с возникшими трудностями, помазав слюной мочку уха».

«А вот это прекрасная идея! – с энтузиазмом поздравила себя Маша. – Если сейчас я примусь слюнявить себе ухо, Кувалда с Совой, как минимум, обалдеют. А если мне удастся сделать это еще и без помощи рук...»

Маша не успела додумать мысль до конца. Но ей хватило и начала, чтобы с уголками губ все пошло насмарку. Так что, поворачиваясь к Савушкиной и Коваль, она от души смеялась.

Ира Коваль умела признавать чужие достоинства. Как ни противно ей было смотреть на Елину, она не могла не согласиться, что выглядит та бессовестно хорошо.



Ирка помнила ее замкнутой и высокомерной. При взгляде на Коваль у рыжей мымры всегда появлялось такое выражение, словно Ирка наложила кучу посреди класса, но надо сделать вид, что все в порядке. Похожие лица становятся у воспитанных людей, когда в трамвайный вагон заходит благоухающий бомж.

Этих воспитанных Коваль ненавидела всей душой. Воняет тебе? Ну так открой пасть и скажи словами! А не криви рожу, как вот эта...

Но сейчас Елина улыбалась, и вообще выглядела худой и молодой. Коваль даже не знала, что сильнее возмущает ее. Она сама отчаянно боролась с каждым лишним килограммом, но килограммы, однажды встретившись с Ирой, возлюбляли ее навсегда и не желали покидать. Сжуешь на ночь два фундука, а наутро такая прибавка в весе, будто всю ночь обжиралась кокосовыми орехами, причем скорлупой тоже не брезговала.

– Здорово, Елина! – сказала Коваль. – Сколько, типа, лет, сколько зим.

«Никакой помощи от этого японского кодекса, – с тоской подумала Маша. – Сомневаюсь, что самурай встречал противника придурковатой лыбой».

– Привет, Ира! Здравствуй, Люба.

Имена ей удалось выговорить с трудом. Никогда подружки Рогозиной не были Ирой и Любой. Они были Кувалдой

и Совой.

Ирка Коваль, получившая свое прозвище за размер кулака и постоянную готовность применить его как последний аргумент в споре, раздалась в плечах, коротко постриглась и отрастила мощный подбородок. На лице ее играла хорошо знакомая Маше кривая ухмылка, и в целом Кувалда осталась все той же белобрысой девицей с редкой челкой. Разве что основательно заматерела.

А вот Любка Савушкина преподнесла сюрприз.

В одиннадцатом классе это была крошечная девушка с нежным голоском и бюстом третьего размера на тельце ребенка. Ручки голубовато-белые, как у куколки. Мужчины, особенно немолодые отцы многочисленных семейств, при виде Савушкиной теряли дар речи и понимали, что жизнь прошла напрасно.

Маша всегда знала: Любка – из тех тихих омутов, в которых черти не просто водятся, а пляшут, поют и устраивают корпоративные пьянки с выездом в боулинг. В отличие от Кувалды, Сова со всеми была мила. Однако Маша опасалась ее куда больше, чем Ирку: у той все на лице написано, а Савушкина непредсказуема. Взять хоть тот дикий случай с охранником.

Стоящая перед ней сейчас женщина выглядела как Дюймовочка, которая вышла замуж за крота, но не провела остаток дней в темной норе, а развелась с ним, отсудив половину содержимого кладовки. Крошечная, изящная, ротик как во-

робынный клювик – и ощутимый запах денег, витающий вокруг.

Маша по привычке мигом подобрала Любке подходящий костюм и декорации.

Во-первых, к черту пальто. Вокруг хрупкой шейки и лилейных плечиков должны сиять меха. Норка серебристая, упругий завиток каракуля, головокружительно дорогой пестец...

Во-вторых, чулки в сеточку: бесстыдные, дразнящие. И чтобы черная стрелка ползла по мраморно-белой икре и выше.

Наконец, туфли на шпильке цвета змеиной кожи.

– Ты... э-э-э... почти не изменилась, – сообщила Ирка.

«То есть осталась забитой девчонкой с неровными зубами и обкусанными ногтями?» – про себя усмехнулась Маша.

– Ты тоже, – соврала она.

– Кого-нибудь еще из наших уже видела? – поинтересовалась Любка.

Маша отрицательно покачала головой.

– Я только приехала. А вы?

– В номере найдешь письмо, – сказала Сова, словно не услышав ее вопрос. – От Светки. Она будет к четырем часам.

– И просит всех ждать ее в столовке, – прогудела Кувалда.

– Ее вы тоже не встречали? – осторожно спросила Маша.

– Не-а.

– Странно, – вслух подумала она.

Повисла пауза. То ли подействовал кодекс Бусидо, то ли пахнувший огурцом воздух, обостривший Машину чувствительность, но только она ясно поняла: Сова с Кувалдой тоже находят это необычным. А значит, они не общались с Рогозиной и знают о ее планах не больше, чем остальные.

В Маше окрепла уверенность, что Светка задумала не просто слет ведьм, то есть, простите, собрание бывших одноклассниц. Записки какие-то... Приглашения! От всего происходящего веяло сумасбродством и ребячеством.

Вот только ни первое, ни второе никогда не были свойственны Рогозиной.

### 3

Матильда, пыхтя, затащила сумку в номер. Она хотела попросить кого-нибудь помочь ей, но за стойкой на первом этаже сидела женщина типажа Авада Кедавра – умри все живое. Авадакедавра смерила Губанову таким взглядом, что та мигом стушевалась и решила, что сумка не так уж и тяжела. И вообще, нечего дергать занятых людей.

До назначенного времени оставалось всего двадцать минут. Мотя наспех привела себя в порядок, и тут в дверь постучали.

Высокая рыжеволосая женщина со смешливым лицом улыбнулась ошарашенной Моте.

– Господи, Елина! Уииии!

Мотя взвизгнула от радости и повисла на Маше всей тушей. Та покачнулась и едва не упала. «Раздавлена одноклассницей!» – мелькнул перед Мотиными глазами заголовок желтой прессы. Она поспешно отступила.

– Извини! Извини, пожалуйста! Я просто... Ужасно рада... Но не знала, как... Прости...

Мотя смутилась и замолчала. Как всегда в подобных случаях, ее охватил жгучий стыд. Господи, ну что она за животное такое! Бросилась на практически незнакомого человека, чуть не покалечила. Не всякому понравится, когда к нему липнут девяносто с лишним килограммов Губановой. К тому же она успела вспотеть в номере, и от нее наверняка воняет!

Сеанс самоедения был неожиданно прерван.

– Мотя! – вскричала Елина. – Ну что ты несешь!

Матильда решила поднять глаза. Ее бывшая одноклассница искрилась такой неподдельной радостью, что она едва не расплакалась от облегчения.

– Мотька, как же здорово, что ты приехала! – с чувством сказала Маша. – Ты не представляешь, как я рада тебя видеть.

...Когда часы показывали без десяти четыре, к малой обеденной зале отеля «Тихая заводь» одновременно подошли три женщины. Двое – Матильда и Маша – с нескрываемым любопытством взглянули на третью. «Нет, не из наших», –

подумала Мотя.

Та сдержанно улыбнулась. Одернула короткий жакет. И вдруг, подмигнув Маше, взялась за указательный палец и с хрустом дернула.

Елина вздрогнула и уставилась на нее во все глаза.

Перед ними стояла дама, в которой безошибочно опознавался руководящий работник солидного предприятия. Даму мягко облегал со всех сторон брючный «Хьюго Босс» или кто-то в этом роде. Мотя Губанова ничего не смыслила в брендах, но чувствовала, что здесь пахнет Боссом. Или Сен-Лораном. Или каким-нибудь другим известным именем, за которым встают неброские фасоны и обескураживающие цены.

Золотые часы на запястье. Холеные руки. Твердый и прямой взгляд.

Мотя по-прежнему не понимала, кто это такая. Раньше эта женщина ей не встречалась.

– Гниду помнишь? – спросила дама странное. Губанова даже решила, что ей послышалось.

Но Елина медленно кивнула.

– Девочки! Бабоньки! – окончательно потерявшись, воскликнула Мотя. – Да что ж тут творится-то! Дамочка, вот вы – кто?

Она прижала руки к груди, заранее извиняясь за глупый вопрос.

«Дамочка» снисходительно улыбнулась. Моте почудилось

что-то знакомое в этой полуулыбке-полуухмылке, но она не была уверена...

– Мотя, это Анна, – медленно проговорила Елина, словно не веря самой себе. – Анна Липецкая, если я не ошибаюсь.

– Не ошибаешься, – подтвердила дама. – Прекрасно выглядите, девочки.

Теперь челюсть отвисла у Матильды.

– Анна – в смысле Аномалия?

– Она самая, – подтвердила дама. – Не уверена, что в настоящее время имею право носить это имя.

Мотя почувствовала, что ей нужно сесть. Судя по сложному лицу Елиной, та испытывала похожее желание.

Это – Аномалия?!

Как? Как татуированная, дикая, психованная девка, из носа которой торчал железный штырь, а уши были изрешечены словно дыроколом, превратилась в эту, черт бы ее побрал, гладкую леди?!

Мотя сделала попытку рассмотреть уши, но они были, как шлемом, прикрыты блестящими каштановыми волосами. Однако штыря в носу определенно не наблюдалось. Да и татуировки, кажется, тоже.

– Вот это крутяк! – восхитилась Мотя. – Не, серьезно? Вы... ты... вы... – Анна?

Дама понимающе усмехнулась.

– Помнишь, как я тебя чуть микроскопом не отоварила? Последние сомнения развеялись. Еще бы Мотя не помни-

ла, как посреди биологии Шиза обернулась к ней и прошипела: «Еще раз чавкнешь своим бутербродом – убью!» Колбаса тогда встала у Моти поперек горла. Аномалия одной фразой обрушила на нее целую лавину ненависти. Мотю погребло под ней, и потребовалось некоторое время, чтобы она, задыхаясь, сумела выползти на поверхность и вдохнуть глоток воздуха.

«Жрешь и чавкаешь, жрешь и чавкаешь...» – цедила Шиза. Пальцы ее и в самом деле вцепились в микроскоп с такой силой, что побелели костяшки.

До этого дня Мотя вообще не задумывалась о том, что ее привычка может кого-то раздражать. Жевать для нее было так же естественно, как ходить или разговаривать. С той лишь разницей, что, когда Мотя жевала, она чувствовала себя в безопасности.

«Липецкая, ты чего схватила за прибор?» – забеспокоилась биологичка.

«Клавдия Сергеевна, Шиза меня убьет!» – закричала бы Мотя, если бы рот ее не был забит хлебом. Но она боялась лишний раз шевельнуть челюстью. Микроскоп, с размаху проламывающий ей голову, представлялся не лучшей альтернативой молчанию.

Так что Мотя сидела, окаменев, и в ужасе таращилась на психопатку.

Некоторое время Аномалия гипнотизировала ее ненавидящим взглядом, а потом вдруг ослабилась.



– В Брюсселе – писающий мальчик. А у нас – жующая девочка. Симметрия!

И отвернувшись от несчастной Моти, которая чуть не свалилась от облегчения в обморок.

– Мы, кажется, опаздываем, – заметила Анна. Она кивнула на дверь из толстого стекла, за которой виднелись расплывчатые силуэты. – Все уже в сборе.

– Рогозиной не хватает.

– Вы ее видели? – глаза у Анны заблестели.

Маша улыбнулась про себя. Всех интересует Света Рогозина. За двадцать лет ничего не изменилось. Точнее, за восемнадцать.

Она внезапно вспомнила, что забыла проверить свою догадку.

– Девочки, идите, я сейчас к вам присоединюсь.

Маша махнула рукой и быстро пошла к лестнице. Анна и Мотя проводили ее взглядами.

Поднявшись на второй этаж, она отсчитала восемь дверей. Если ее теория верна, за девятой должен быть номер Светки.

Но пройдя по длинному коридору до середины, Маша озадаченно остановилась перед дверью без всяких опознавательных знаков. У нее мелькнула было мысль, что это курилка и Рогозина законопослушно выходила сюда курить из номера. Но когда она потянула за ручку, дверь не поддавалась.

Заперто.

Нет, не курилка.

Маша не могла объяснить, почему мысль о подсматривающем из окна человеке тревожит ее. Что-то с ним определенно было не в порядке. Но сколько ни вызывала Маша перед глазами отпрянувший силуэт, она не могла сконцентрироваться на этой неправильности.

Соседняя дверь приоткрылась, и из номера, толкая перед собой пылесос, вышла горничная в синих перчатках до локтя. Маша приветливо улыбнулась, но женщина зыркнула на нее недружелюбно и что-то буркнула. Только очень оптимистичный человек мог счесть эти звуки за приветствие, но Машу это не остановило.

– Простите, что за этой дверью?

Горничная явно напряглась.

– А чего такое-то? – хрипло спросила она.

– Мне просто любопытно.

«Вот и шла бы ты со своим любопытством куда подальше», – явственно отразилось на лице женщины. Но она молча выудила из кармана ключ и открыла дверь.

Это оказалась кладовка, просто кладовка с окном. В углу швабры, на полках средства для мытья полов и унитазов, тряпки... Маша, не задумываясь, шагнула внутрь, и женщина за ее спиной издала протестующий звук.

– Да-да, простите, – рассеянно согласилась Маша, пытаясь понять, каким образом Rogozina – или не Rogozina? – попа-

ла в эту комнатушку. Взгляд человека в окне определенно показался знакомым...

– А не скажете ли вы... – начала она и обернулась к горничной.

Та хмуро молчала, уставившись на свои туфли. От нее исходила почти физически ощутимая неприязнь. «Да чем я ей так помешала?» – удивилась Маша, внимательнее вглядываясь в испитое лицо.

Испитое! Машу осенило. «Да у нее здесь припрятано! Она ждет не дождется, пока я уйду». Слабый запах перегара окончательно подтвердил ее уверенность.

– Простите, а у кого еще есть ключи от этого чулана?

– У всех наших.

– То есть у горничных?

– И у старшей по смене.

– Ясно. Спасибо большое. Извините, что отвлекла вас.

Похоже, извиняющийся Машин тон несколько растопил лед, потому что женщина помолчала и добавила чуть мягче:

– Ну и запасной.

Маша, уже собиравшаяся уходить, встала как вкопанная.

– Запасной? Где?

– Вроде как не велено нам об этом трепаться. – Горничная шмыгнула носом.

– Я не украду ни одного ведра, обещаю!

– На пожарном кране лежит. Чтобы старшую не дергали, если кто свой забудет.

Тетка с явным облегчением выпроводила Машу и захлопнула дверь.

«На пожарном кране, значит, — размышляла Маша, возвращаясь в обеденную залу. — То есть любой, кто подсмотрел, как забывчивая горничная кладет его туда, мог открыть подсобку. Но зачем? Может, и в самом деле, просто покурить?

Нет, рискованно. Могут застать. Да и бытовая химия на полках, опасно.

Ну и что? Двести рублей в карман горничной — и она забудет о том, что кого-то видела».

Маша щелкнула пальцами. Нужно было спросить эту алкоголическую тетеньку, не посещал ли кто-нибудь сегодня ее драгоценную комнатку. Хотя все равно ведь соврет...

Часы в холле показывали без одной минуты четыре. Сквозь стеклянную дверь Маша видела внутри волнистые фигурки: они беззвучно и плавно перемещались, словно рыбки в аквариуме. Маша приблизила лицо к стеклу. Одна рыбка, вторая, третья... Она насчитала восемь. Но Рогозина в ответном письме ясно написала: будет восемь человек вместе с ней, Машей.

Неужели Светка уже там?

Исключено. В таком случае женщины не рассеялись бы по комнате, а столпились вокруг нее.

Кто же восьмой?

Маша до последнего не была уверена, что войдет в залу.

Любопытство пересилило, но она почувствовала легкую дурноту при мысли, что сейчас все взгляды обратятся к ней. Ну-ка, что там у нас говорит кодекс Бусидо для укрепления духа самурая?

«Полезно иметь в рукаве немного румян. Может случиться так, что, когда человек проснется ото сна или придет в себя после веселой попойки, цвет лица его окажется нехорош. Тогда следует достать румяна и немного припудрить лицо».

Вот спасибо тебе, дорогой кодекс, от души поблагодарила Маша и, изобразив на лице уверенность, которой вовсе не испытывала, толкнула дверь.

Часы на противоположной стене показали ровно четыре. Все дружно обернулись к ней.

– Куклачев! – разочарованно фыркнула Кувалда после секундной заминки.

Маша громко поздоровалась, и взгляд ее заскользил по собравшимся.

Первая – Ирка Коваль. Ссутулилась возле окна, скрестив руки на груди, и зыркает исподлобья из-под своей челки, от которой она так и не избавилась за двадцать лет. «Коня на скаку остановит и всаднику морду набьет», – вспомнила Маша. Не только всаднику, но и коню, а потом и избу разнесет по бревнышкам, даром что горящая.

Вторая – Савушкина. Изящная, как змейка, Любка тянется за бокалом. На тонком запястье ослепительно сверкает браслет. В отличие от помятой Кувалды, Савушкина юна

и нежна, только глаза выдают возраст. Глаза у Любки очень взрослые, и при виде Маши в них явственно мелькает облегчение. Кого она боялась увидеть – неужели Рогозину?

Третья – Тетя-Мотя. Вот она, ближе всех за столом: румяная, толстая, круглолицая, в плохо сидящем костюме простецкого синего цвета. Наверняка тщательно наряжалась на эту встречу и, конечно, выбрала худшее.

Четвертая – Анна Липецкая. Безукоризненность и репутационность во всем, начиная от замшевых «оксфордов» и заканчивая часиками на кожаном ремешке.

Остальных Маша еще не видела и теперь жадно вглядывалась в их лица.

Пятая – Анжела Лосина! Застыла с блюдом канапе в руках. Почти не изменилась: все та же крепко сбитая энергичная тетка с оценивающим жадным взглядом. Прическа «да здравствуют бюджетные парикмахерские», джинсы «сойдет и Малая Арнаутская», блузка «бабушка носила ее всего двадцать лет». Анжела всегда любила приbedняться. И всегда умела извлечь из этого выгоду.

Шестая... Тут Маша ненадолго задумалась, перебирая в памяти список, присланный Рогозиной. Кто эта мрачная носатая дама? И почему у нее такой загадочный траурный вид? Смоляные пряди свисают вдоль длинного бледного лица, высокий ворот-стойка черной сорочки упирается в острый подбородок. Маша решила бы, что это повзрослевшая Липецкая, но им с Мотей уже встретилась одна Анна десять

минут назад.

Траурная женщина, несомненно, поняла, что Маша пытается опознать ее, и с высокомерной жалостью наблюдала за ее попытками. «Кто, кто еще был в списке? – вспоминала Маша изо всех сил. – Саша Стриженова... Нет, это не может быть она, та не могла вырасти такой верстой». И вдруг ее осенило – Циркуль!

– Белка! Белка Шверник!

– Во-первых, не Белка, а Белла, – низким голосом поправила дама. – Во-вторых, давно уже не Шверник, а Чарушинская. Здравствуй, Мария.

Мысли заметались в Машиной голове. «Надо выразить соболезнования ее утрате. Но я понятия не имею, что у нее случилось. Выглядит она так, словно у нее погибли все родственники, коллеги и домработница».

Не успев толком осмыслить произошедшую со Шверник метаморфозу, Маша перевела взгляд на седьмую участницу событий.

И на мгновение потеряла дар речи.

– Саша? Саша Стриженова?!

Женщина рассмеялась:

– Мне привычнее, когда ты называешь меня Стрижом.

– И Доской? – произвольно вырвалось у Маши.

Мальчишеская стрижка, открывающая длинную гибкую шею. Кожа гладкая, как лепесток, с розоватым отсветом на скулах. Осанка балерины.

Замухрышка Стриженова превратилась в абсолютную, безусловную красавицу.

Маша рассматривала ее молча. На нее всегда в присутствии настолько красивых людей нападала восхищенная немота.

– Ты никогда меня так не дразнила. – От улыбки у Стрижа появились ямочки. – Здорово, что ты приехала! Садись рядышком, поболтаем.

– С удовольствием... – начала Маша и тут вспомнила: восьмой! Кто же восьмой?

Она завертела головой, однако вокруг мелькали те же лица.

– Здесь был еще кто-то! Еще один человек.

– Официант, – спокойно пояснила Саша. – Он только что вышел.

Маша почувствовала себя глупо. Официант! Ну разумеется.

– Ты ожидала кого-то другого?

Стриж с неожиданной проницательностью взглянула на нее.

– Я подумала, что Юлька тоже могла приехать, – сказала Маша, не задумываясь. – Юлька Зинчук!

В эту секунду в зале наступила такая глубокая тишина, словно от ее слов выключился звук. Все перестали разговаривать. Лосина застыла с куском соленой рыбы на вилке. Мотя Губанова уткнулась в тарелку. Ирка Коваль и Савушки-



на обменялись молниеносными взглядами: как будто ударились друг об друга бильярдные шары и раскатились в разные стороны.

Дверь распахнулась, и вошла Света Рогозина.

# Глава 5

## 1

Впервые в жизни Маша отчетливо почувствовала, как тишина меняет оттенок. Из зловещей она стала напряженно-выжидательной, хотя никто по-прежнему не издал ни звука. Только Мотя тихонько ойкнула, уронив с вилки ломтик огурца.

Взрослая Светка была и похожа, и непохожа на того прелестного безжалостного подростка, который запомнился Маше. Она внезапно поняла, что подсознательно боялась увидеть Рогозину в инвалидном кресле. Живая здоровая Светка и желание собрать бывших одноклассниц не монтировались друг с другом.

Однако Рогозина стояла перед ними именно что живая и здоровая и приветственно улыбалась.

В ней что-то изменилось, и довольно существенно. Маша не смогла сходу уловить, что именно. Одно сохранилось точно: Света Рогозина по-прежнему выглядела изумительной красавицей.

Красота Саши Стриж была деликатного, сдержанного свойства. Красота Рогозиной ошеломляла и сбивала с ног.

Сияние золотых волос, русалочья зелень глаз. Голливудской кинозвездой на красной дорожке Светка смотрелась бы уместнее, чем в скромной зале подмосковного отеля. Сходство с актрисой, готовой позировать и раздавать автографы, усугублялось тем, что для встречи Рогозина выбрала длинное облегающее платье цвета спелой вишни.

«Сережа прав: она прима, жаждет аплодисментов и готова за это платить. Мы для нее не больше, чем массовка».

Выдержав точно рассчитанную паузу, Светка тряхнула волосами, рассмеялась и быстро пошла навстречу замершим в ожидании женщинам, раскинув руки.

– Девочки! Боже мой, сколько лет!

И тотчас все будто очнулись от сна. Кувалда с Совой кинулись к Рогозиной, энергичная Лось метнулась к столу – освобождать место и подливать вино. Вернувшийся официант не сразу сумел отнять у нее бутылку и убедить предоставить ему право обслуживать гостей. Мотя Губанова поднялась и топталась возле стула в нерешительности, явно не понимая, что ей делать: выразить ли теплые чувства, как Савушкина с Коваль, или вспомнить, как к ней относились в школе, и воздержаться от проявления пылких эмоций.

Но Рогозина сама разрешила все сомнения.

– Матильда! Белла! Саша!

Она по очереди обняла всех. Будь Машина воля, она постаралась бы избежать этих объятий. Не то чтобы ей чудилось что-то фальшивое в происходящем – нет, Светка

казалась искренне обрадованной тем, что все они встретились. Однако сама Маша не испытывала совершенно ничего. Внутренности были заполнены какой-то ватной пустотой, которой она сама от себя не ожидала. Пускай бы ей было неприятно, брезгливо, страшно... Любые живые эмоции лучше, чем это диковатое непонимание: что я вообще должна чувствовать? Что я, Маша Елина, должна ощущать при встрече с человеком, которого так долго ненавидела?

В душе ничего не отозвалось. Только где-то в глубине сознания замерцала тревожная лампочка: теперь Маша была почти уверена, что это не Рогозина наблюдала за ней из окна. Рост, фигура... нет, не она. Но кто же?

– Елина!

Светка все-таки прижала ее к груди. Затем отстранилась, держа Машу за плечи, заглянула в глаза.

– Ты как модель с портретов старых мастеров. У тебя волосы – венецианское золото, ты знаешь?

Маша не знала, как реагировать на явно преувеличенный комплимент. Волосы как волосы, светло-рыжие. Никакого венецианского золота и в помине нет. Но Светка, к счастью, не требовала ответа. Она похвалила прическу Саши Стриж, рассыпалась в восторгах по поводу цвета лица Тети-Моти, отметила стиль Беллы Шверник.

Она не смущалась, не делала пауз. И чем дольше Маша наблюдала за ней, тем больше убеждалась, что Светка действует согласно какому-то своему плану. Первый пункт это-

го плана – расположить к себе присутствующих. Что и было выполнено со свойственной Рогозиной прямоотой и стремительностью.

Что у нас дальше в сценарии?

– Девочки мои хорошие! – Рогозина прижала руки к груди с трогательной искренностью. – Давайте пообедаем, а? Я ужасно есть хочу. Держу диету, но периодически все равно срываюсь. А потом будем болтать и перемывать друг другу косточки!

Все рассмеялись. Зазвенели тарелки, официант заскользил между стульев, подливая вино и воду.

Маша принялась жевать салатный лист без малейшего аппетита. Разговор, поначалу скованный, понемногу оживлялся. Светка грамотно дирижировала беседой: где надо, подключалась с занимательными историями или же расспрашивала кого-нибудь, скромно уступая место на трибуне выступающему. Так Маша выслушала потрясающую историю Анжелы Лосиной о гибели ее бесстрашных собак, защитивших хозяйку крошечными тельцами от пули мстительного возлюбленного.

Всем сидящим за столом было ясно, что Лосина врет хлеще сивого мерина. Анжела всю жизнь оценивала совокупный интеллект окружающих как одну десятую от своего, а потому не затрудняла себя правдоподобными выдумками. «И так сожжете!» – говорило выражение ее лица. Без сомнения, Светка Рогозина отлично все понимала.

Но она так участливо склонялась к Лосю, с таким серьезным видом внимала ее ахинее, что Анжела размякла и пообещала Светке лучшего щенка из помета, забыв, что все потенциальные собачьи матери погибли геройской смертью.

Потом настала очередь Белки Шверник.

– Я надеюсь, у тебя ничего не случилось? – сердечно сказала Рогозина.

– Как ты могла заметить, я ношу траур! – отозвалась Белла. – Траур по ушедшей любви.

– Господи! Кто-то умер?

– Смерть может забрать человека, но любовь остается с нами! – патетично воскликнула Шверник-Чарушинская. – Никто не погиб, но стоило ли судьбе беречь нас, если душа не наполнена светом!

«А, так домработница-то жива! – обрадовалась Маша. – Просто Шверник в своем репертуаре с поправкой на кризис среднего возраста».

Тем временем Рогозина уже втянула в разговор стесняющуюся Мотю и расспрашивала ее о детях.

«Да что здесь, черт возьми, происходит? – озадачилась Маша. – Что за имитация светской беседы? В жизни не поверю, чтобы Светку интересовали губановские отпрыски».

– И что все-таки у нее с лицом? – пробормотала она вслух, забывшись.

К счастью, ее услышала только Саша Стриж.

– Межбровная разглажена ботоксом, но это ерунда, –

вполголоса сказала она. – Нос переделан, причем очень грамотно. Колумеллу меняли. Чистая работа! В носогубках филеры, в скулах, похоже, тоже. Круговую по возрасту рано, но не исключала бы. Блефаро? Не уверена. А вот кантопластика латеральная была, это точно.

Маша изумленно воззрилась на нее. Саша тихо рассмеялась.

– Маш, над Светкой качественно работали пластические хирурги. Хорошие. Ринопластика, круговая подтяжка, филеры в скулах и носогубных складках – это только то, что я вижу. Про мелочи даже не упоминаю.

– А кантопластика – это что?

– Коррекция уголков глаза. Латеральная – значит, внешний угол. Видимо, он у нее начал опускаться с возрастом, лицо стало выглядеть уставшим. После тридцати такое со многими случается.

«Так вот почему Рогозина показалась мне изменившейся!»

– Саша, откуда ты все это знаешь? – тихо спросила Маша. Она вызвала в памяти фотографию их класса и, мысленно разглядывая ее, убеждалась, что Стриж права.

– Я работаю в клинике пластической хирургии. Обработанные лица сразу вижу.

– Жалко, – не задумываясь, сказала Маша.

– Что?

– Что у Рогозиной обработанное.

– Почему? – удивилась Саша.

– Потому что до этого было чудо. Удивительное явление: прекрасная девушка. А что стало? Умелые руки хирургов – и все.

– По-моему, как раз наоборот, – возразила Саша. – Что поразительного в природной красоте? А здесь она ювелирно доведена до совершенства. И сделал это отличный врач. Я испытываю гордость и восторг, когда думаю об этом. Мой коллега – он хирург... Знаешь, какие у него руки! Женщины к нему приходят страшные, с перевернутыми верблюжьими горбами под глазами. А уходят счастливые и смеющиеся. Я думаю, лет через пятьдесят мы сможем сами выбирать себе внешность.

– А пока мы видим перекошенные лица и выпученные губы, – вслух подумала Маша, вспомнив нескольких отечественных телезвезд.

– Это результат плохой работы, – серьезно сказала Саша. – Грамотное вмешательство не должно быть заметно. Если бы я не объяснила тебе насчет Светки, ты бы ни о чем не догадалась.

Маша искоса взглянула на Стрижа и поспешно отвела взгляд. «А ты сама – тоже результат хорошей работы?»

– Панически боюсь наркоза, – сказала Саша, прочитав ее невысказанный вопрос. – Так что мой путь, к сожалению, естественное старение.

Маша начала краснеть.



– Я не хотела...

– Брось! – Саша махнула рукой. – Я все равно профдеформированная, как и все у нас. Бывает, замечу красивую женщину в ЦУМе, а в голове сразу щелкает: «Ага, сумочка от Баленсиаги, туфли от Прады, нос от Кутузовцева. Зря она к нему за носом пошла, лучше бы к Патунишвили. А сумочка ничего такая».

Маша рассмеялась.

Вокруг разговаривали, шутили, обменивались новостями. Лосина оказалась в курсе всех событий: у кого родились дети, кого выгнали с работы, кто женился, развелся и снова женился. Мотя, обрадованная доброжелательным вниманием Светки, расцвела и почти перестала стесняться. Ирка Коваль принялась налегать на вино и моментально захмелела.

– Я читала «Душу мира», и меня насквозь пронизывал космос! – невпопад завывала Белка.

– Да погоди ты со своей душой, Шверник, – оборвала ее Кувалда. – Дай человеку о себе рассказать. Свет, ты чего в Россию-то вернулась?

Рогозина собиралась ответить, но Белла возмущенно вскочила:

– Моя фамилия – Чарушинская! Я уже всех известила!

– Подумаешь! Я ж тоже давно Васильева. И Любка фамилию поменяла, как замуж вышла. Да и остальные, поди, тоже. Но мы не заставляем корячить мозги и запоминать, кого как теперь именуют. Только ты выпендриваешься!

– Вы все – как хотите. Но я требую, чтоб меня называли Чарушинской!

– И где же господин Чарушинский? – прищурилась Ирка. Маше показалось, что Белле этот вопрос пришелся не по душе. Но Светка снова вмешалась:

– Девочки, девочки! – Она сделала знак официанту, и тот мигом подлил всем вина. – Давайте выпьем за встречу! Мы очень изменились, и это прекрасно!

Белла недовольно села на место. На Кувалду она бросила уничижительный взгляд, который должен был морально размазать Ирку, как масло по бутерброду. Но Коваль в эту самую секунду опустошала тарелку, и заряд благородного презрения пропал зря.

За вином последовали две перемены блюд, затем кофе, десерты... Маленькой стычке Циркуля и Кувалды не дали вырасти в полноценную свару, хотя кое-кто явно сожалел об этом. И общий разговор вернулся в мирное русло.

Теперь Рогозина сосредоточила общее внимание на себе. Критиковала манеры французов, смешно изображала в лицах, как ведут себя итальянские мужья по отношению к женам и мамам, развлекала сценками из быта африканских племен. Солировала, но солировала умело. Царила, но не подчеркивая разницы между собой и остальными. Даже Мотя Губанова, для которой все рогозинские истории были из жизни инопланетян, включилась в общий разговор.

Первоначальная неловкость окончательно рассеялась.

«Как пишут в книжках, за обедом царила непринужденная атмосфера», – подумала Маша.

Саша Стриж наклонилась к ней.

– Дурацкое какое-то ощущение у меня.

– Ты о чем?

– Такое чувство, будто мы имеем дело не с Рогозиной, а с ее реинкарнацией. Которая даже не помнит, что она там натворила в прошлой жизни! Согласись, глупо предъявлять счета новому перерождению.

Саша попала в яблочко. Маша смутно ощущала что-то похожее, но не могла выразить так точно. В ее душе зародилось сожаление, что она не принимала всерьез эту девочку в школе. Тихая, незаметная, вечно себе на уме. Из достоинств разве что умение шевелить ушами. А стоило бы к ней приглядеться! Глядишь, в компании подруги было бы не так тошно отсиживать годы до последнего звонка.

«Глупо предъявлять счета». Вот именно! Маша хотела посмотреть в лицо детским страхам, а ее обманули: вместо жестокосердной девчонки подсунули милую состоятельную даму. У Маши никак не получалось связать ее с той, прежней Рогозиной. За годы, прожитые за границей, Светка приобрела слабый акцент, и это еще больше усиливало иллюзию «перерождения». «И где та, кого я боялась? Это даже смешно, впору кричать: верните мне прежнюю Рогозину».

– Саш, а Саш?

– М-м?

– Можешь честно сказать, почему ты приехала в «Тихую заводь»?

– В каком смысле?

Показалось Маше, или Стриж в самом деле напряглась?

– Вот смотри: нас здесь восемь – не считая Светки, которая все это затеяла. Все взяли отпуска или отпросились у своих семейств. Пристроили котов, распахали попугайчиков по знакомым... Понимаешь, к чему я веду?

– Пока не очень. – Голос Саши зазвучал на удивление сухо.

– Каждая из нас приложила известные усилия, чтобы попасть в «Тихую заводь». Спрашивается – отчего? У нас никогда не было тесной дружбы в классе. Мы здесь явно не ради друг друга.

Она сделала паузу, давая Саше возможность ответить. Стриж молчала.

– Лосина здесь потому, что халява, – начала перечислять Маша. – Кувалда с Совой – потому что бывшие Светкины приятельницы. Мотя наверняка воспользовалась случаем, чтобы отдохнуть от семейства. Она многодетная мать, ты знаешь?

Саша молча кивнула. Маша взглянула на ее лицо и пожалела, что затеяла этот разговор. Но останавливаться было поздно.

– Что здесь делают Белка и Липецкая, не знаю. А ты, Саша? С Рогозиной ты почти не общалась, ни с кем из нас

не дружила...

– Извини, меня, кажется, Аномалия зовет, – перебила ее Стриж.

Липецкая и впрямь делала какие-то знаки, но не ей, а официанту. Саша стремительно поднялась и перешла на другую сторону стола.

«Ай да я, – с горечью сказала себе Маша. – Ай да молодец. Обидела человека. Полезла к нему со своим никчемным любопытством».

Она расстроилась. И извиняться глупо, и делать вид, что все нормально, после того как Стриж сбежала, тоже не слишком умно.

Саша уже сидела рядом с Анной, очень тонкая и прямая, как стрела, и старалась улыбаться. Но нежно-розовый румянец сменился отчетливой бледностью.

И тут Маша насторожилась. Голос совести по-прежнему твердил, что она была бестактна, но теперь Маша прислушивалась не к нему, а к своей интуиции.

В конце концов, она не спросила ничего криминального. Стриж всегда могла отшутиться, соврать или перевести разговор на другую тему. Однако Машин внезапный вопрос так подействовал на нее, что она не выбрала ни один из этих способов и попросту сбежала.

Вот она сидит напротив: бледная, враз подурневшая, автоматически кивающая в такт речам Анны. Маша готова была поклясться, что Стриж не слышит ни слова из того, что ей

говорят. Остановившийся взгляд замер на сверкающем браслете, обхватывающем по-детски тонкое запястье Любки Савушкиной.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.